

ТРИ РОДА и ЛЮДИ

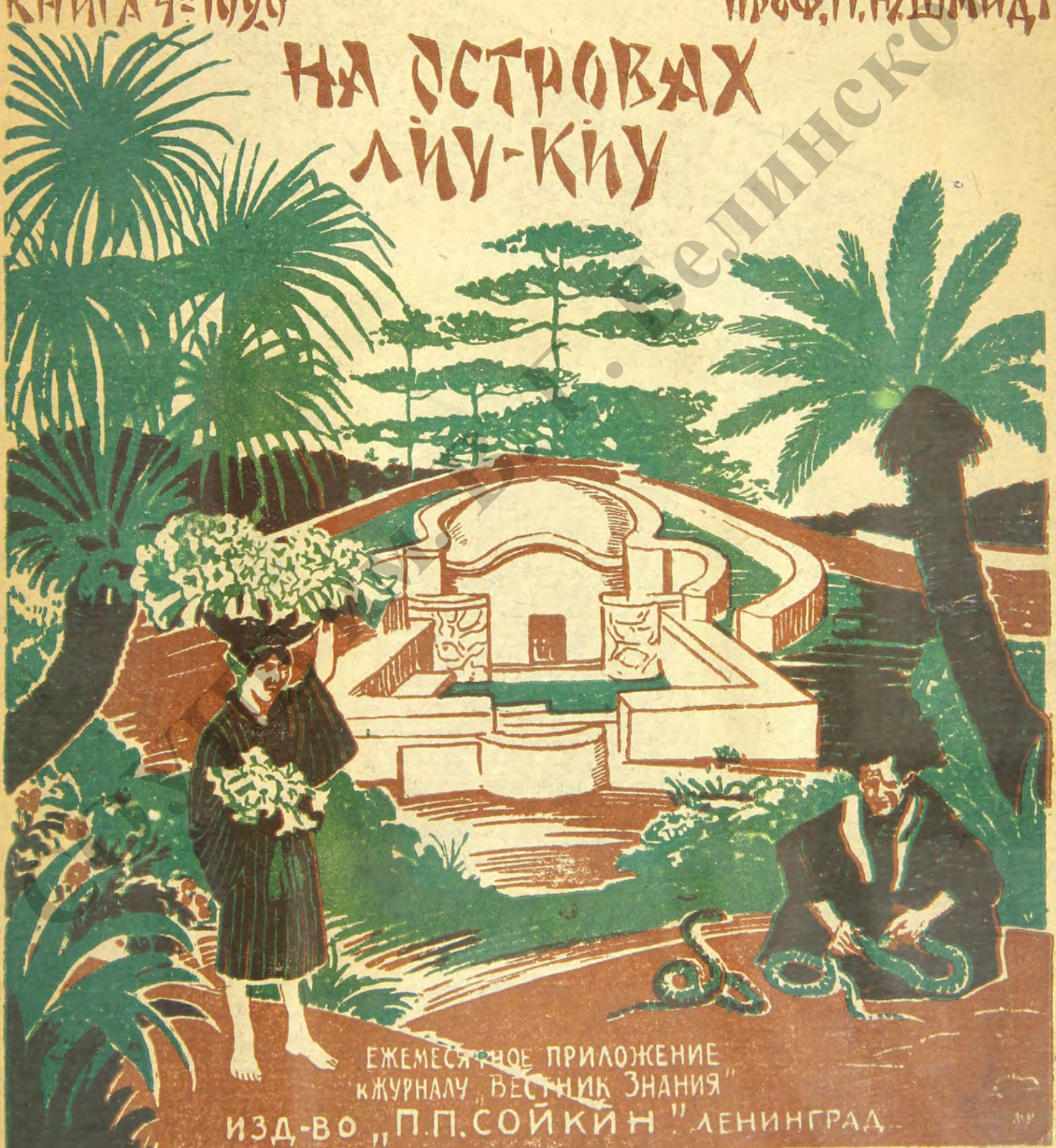
91 (52)

Ш 733.

КНИГА 4^я 1920

проф. П. Н. ШМИДТ

НА ОСТРОВАХ
ЛИУ-КИУ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
к журналу „Вестник Знания“

Изд-во „П. П. СОЙКИН“ ЛЕНИНГРАД

Б 132018

ГРЕЗЫ И ДУМЫ ВОСТОКА

КИТАЙ — ЯПОНИЯ

Проф. Г. Г. Гензель. С 8 рис. Цена 50 коп. с перес.

Содержание: Вместо предисловия. Китай: I. Кое-что о китайской литературе. II. Писатели. Романы. Повести. Ляо-Чжай. "История одной лютни". III. Поэзия. Песни. Ли-Бо и Ту-фу. III. Немного китайской истории. IV. Философия и ее материалистический характер. V. Искусство. VI. Япония. VII. Японская литература. VIII. Современная японская литература. IX. Современная японская литература. X. Современная японская литература.

вообще.
Пресс
лит
фи
Н
Г

временная, 8.

На обложке и титуле 5-й книги "Природа и
Люди 1928 г." напечатано: Проф. П. Ю. Шмидт.
"На островах Тихого Океана". Следует: Проф.
П. Ю. Шмидт. "На берегах Тихого Океана".

инв
132018

Проф. П. Ю. ШМИДТ

21 (52)
Ш 433

НА ОСТРОВАХ
ЛИУ-КИУ

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ОБЛ. БИБЛИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСК

1929 г.

9/1/52

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

Типография Л.С.П.О. Ленинград, Лештуков, 13.

Ленинградский Областлит № 35929.

Зак. № 1540. Тираж 15.000.

ОТ АВТОРА.

Ликейские острова — это идиллия, брошенная среди бесконечных вод Тихого океана. Слушайте теперь сказку: Дерево к дереву, листок к листку так и прибраны, не спутаны, не смешаны в умышленном беспорядке, как обыкновенно делает природа. Все будто размерено, расчищено и красиво расставлено, как на декорации, или на картинах Вато. Люди, лошади, быки — здесь карлики, а куры и петухи великаны; деревья колоссальные, а между ними чуть-чуть журчат серебряные нити ручейков, да приятно шумят театральные каскады. Люди добродетельны, питаются овощами и ничего между собой, кроме учтивостей, не говорят; иностранцы ничего, кроме дружбы, ласк да земных поклонов, от них добиться не могут. Живут они патриархально, толпой выходят навстречу путешественникам, берут за руки, ведут в дома и с земными поклонами, ставят перед ними избытки своих полей и садов... Что это? Где мы? Среди древних пастушеских народов, в золотом веке? Ужели Феокрит в самом деле прав?..

И. А. Гончаров, «Фрегат Паллада».

Такими словами характеризует наш великий писатель природу и жителей Ликейских островов, или островов Лиу-Киу. Он посетил их первым из русских путешественников в 1854 году и одним из первых европейцев любовался их красотою.

В описании его плавания целая глава художественно живописует пребывание (фрегата «Паллада») среди идиллических условий жизни того времени на островах Лиу-Киу.

Удивительным образом, со времен Гончарова ни один из русских путешественников не заинтересовался этими островами и не посетил их, хотя это давно уже не связано ни с какими затруднениями. Да и из иностранных путешественников и ученых лишь немногие побывали на них и внесли свою лепту в познание их замечательной природы: проф. Дедерлейн и д-р Симон, Чемберлэн и Снейдер, в недавнее время проф. Гольдшмидт, — вот почти и все, кто посетил Лиу-Киу и оставил след в литературе.

Мне посчастливилось, первым из русских натуралистов, провести пять недель на Лиу-Киу по окончании III Все-тихоокеанского научного конгресса в 1926 году, и описанию моего пребывания там посвящена эта книга. Собранные мною коллекции уже частично обработаны, и научные результаты моего посещения островов будут вскоре опубликованы в Трудях Тихоокеанского комитета Академии наук СССР.

В виду того, что не всем, быть может, известно, где находятся и что собою представляют острова Лиу-Киу, считаю небесполезным предположить описанию своего путешествия несколько пояснительных слов.

Острова Лиу-Киу образуют первое, наиболее южное звено той непрерывной цепи островов, которая опоясывает материк Азии в Тихом океане: от острова Формозы они тянутся дугою к самому южному из островов Японии — острову Киу-Сиу. Они располагаются между 24° 6' и 28° 35' с. ш., так что самый южный из них менее чем на градус отстоит от тропика Рака, вся же цепь приходится, примерно, на широте Канарских островов.

Вся группа Лиу-Киу образована 70 островами, но большая часть из них очень невелика, лишь три острова достигают более крупных размеров: на севере остров Амами-Ошима, посредине цепи — Окинава и на юге — остров Ясяма или Миако. Однако, и эти острова не очень велики: Амами-Ошима имеет около 50 км в длину и 631 кв. км поверхности, Окинава — около 100 км длины, поверхностью в 1140 кв. км и Миако совсем небольшой островок, так как поверхность его всего 152 кв. км. К тому же, острова эти гористы, и удобной для жизни площади на них мало; тем не менее, население их составляет в общей сложности более полумиллиона жителей, занимающихся земледелием и рыболовством.

Климат островов, вследствие их южного положения и благодаря омывающему их теплomu течению Куро-Сиво, почти тропический. Однако, зимою и на них сказывается близость сильно охлаждающегося материка Азии: средняя температура июля $27-28^{\circ}$ Ц., тогда как средняя февраля $14-15,5^{\circ}$ Ц.; средняя годовая $21-22^{\circ}$ Ц. Летние муссоны приносят на острова обильные осадки и на Амами-Ошима, например, выпадает в год 3209 мм, т. е. в полтора раза больше, чем в самом дождливом месте нашего Союза — в Батуме. Все эти условия позволяют развиваться на островах Лиу-Киу тропической растительности.

Население Лиу-Киу, находившееся до 1874 года под номинальной властью Китая, но управлявшееся собственными королями, отличается и по типу и по языку от китайцев и японцев. Оно представляет собою уцелевший с древних времен остаток тех племен, которые некогда вторглись в качестве завоевателей на Японские острова и, смешавшись с туземцами, образовали современных японцев. Язык лиукийцев имеет много общего с древне-японским, по внешнему же типу своему они очень напоминают корейцев.

Если сравнить описание Гончарова с тем, что мне пришлось видеть и что изложено на дальнейших страницах, то станет ясно, что идиллической жизни полупервобытного народа и здесь пришел конец... Мало-помалу, при посредстве японцев, на острова проникает «цивилизация» с железными дорогами и автомобилями, банками и кинематографами, с водкою и дешевою мануфактурою... О «золотом веке Феокрита» остались одни воспоминания...

В Кагошиме.

Приезд в Кагошиму. — В японской гостинице. — Прогулка по городу. — Неудачное плавание. — Экскурсия на склоны вулкана Сакуражимы.

Поезд Южно-японской железной дороги мчался в ночной темноте, хотя было всего лишь 9 часов вечера. Временами он с грохотом влетал в туннель, и все исчезало из вида. Только снопы искр мелькали перед окном, да проносились сигнальные огни. Едкий каменноугольный дым врывался в щели вагона. Через минуту-другую поезд снова выныривал из-под земли и катился среди холмов по долине, тускло освещенной узким серпом новой луны. Как причудливые тени, мелькали японские пиннии и перистые рощи бамбука, вырисовывались уступы рисовых полей на склонах, и серебрилась в лунных лучах извилистая речка.

Вот мелькает и колышется огонек по дороге, — это рикша бежит со своим бумажным фонариком, везя домой какого-нибудь запоздалого обывателя. Проносится белый домик с высокою крышею, без окон и без дверей. Он светится внутри и какие-то неопределенные тени вырисовываются на бумажных рамах, заменяющих и окна и двери... И опять объятые тьмой холмы и долины, купы деревьев и речки, — изрезанный японский ландшафт, такой очаровательный, пестрый, блестящий днем и таинственный, загадочный ночью...

Но вот огней становится все больше и больше. Чаше мелькают освещенные домики. Очевидно, мы подъезжаем к городу, и мои соседи японцы начинают шевелиться. Они слезают с диванов, на которых сидели, поджавши ноги. Несмотря на совершенно европейский вид многих из них, они никак не могут привыкнуть сидеть по нашему, — у них затекают ноги, как они говорят, и приходится забираться на диван с ногами, — такова сила многовековой привычки...

Мимо окон проносится какой-то большой завод.

— Сацума, — говорит мой сосед, почтенный японец, не знающий никакого языка, кроме родного, и в пояснение щелкает пальцем по фарфоровой чашечке, которую укладывает в саквояж.

Я понимаю, — это знаменитый Сацумский фарфоровый завод, славящийся по всему миру своими оригинальными чашечками и вазами с глазурью, покрытой сеткой тончайших трещинок. Правда, теперешние его произведения, имеющие фабричный отпечаток, не ценятся настоящими любителями фарфора. Предметом их вожделения является «сацума» древних мастеров-художников, вкладывавших душу в свои изделия. Однако, и сейчас сацумский фарфор в большой чести в Японии и за ее пределами.

Но вот показываются правильные линии огней, освещенные улицы и мчащиеся по ним автомобили.

— Кагошима, Кагошима! — любезно предупреждают меня мои спутники по вагону и вежливо раскланиваются, пришепечывая и втягивая с шипением воздух, как полагается по японскому ритуалу.

— Сайонара, сайонара! (до свиданья).

С грохотом вкатился поезд в довольно обширный и благоустроенный вокзал Кагошимы. На нас накинута толпа носильщиков в синих блузах. Один из них подхватил мои чемоданы и усадил меня в таксомотор.

— В Сацумайя! — скомандовал я, называя лучшую гостиницу, в которой останавливался две недели тому назад, когда приезжал сюда с экскурсией членов Все-тихоокеанского научного конгресса. Я был уже своим человеком в Кагошиме и мог себя, пожалуй, причислить к ее «старожилам», — ведь 26 лет тому назад в этом городе мне пришлось провести целый месяц в собирании коллекций и в изучении японской жизни во всех ее проявлениях¹. Теперь я рассчитывал пробыть день-другой

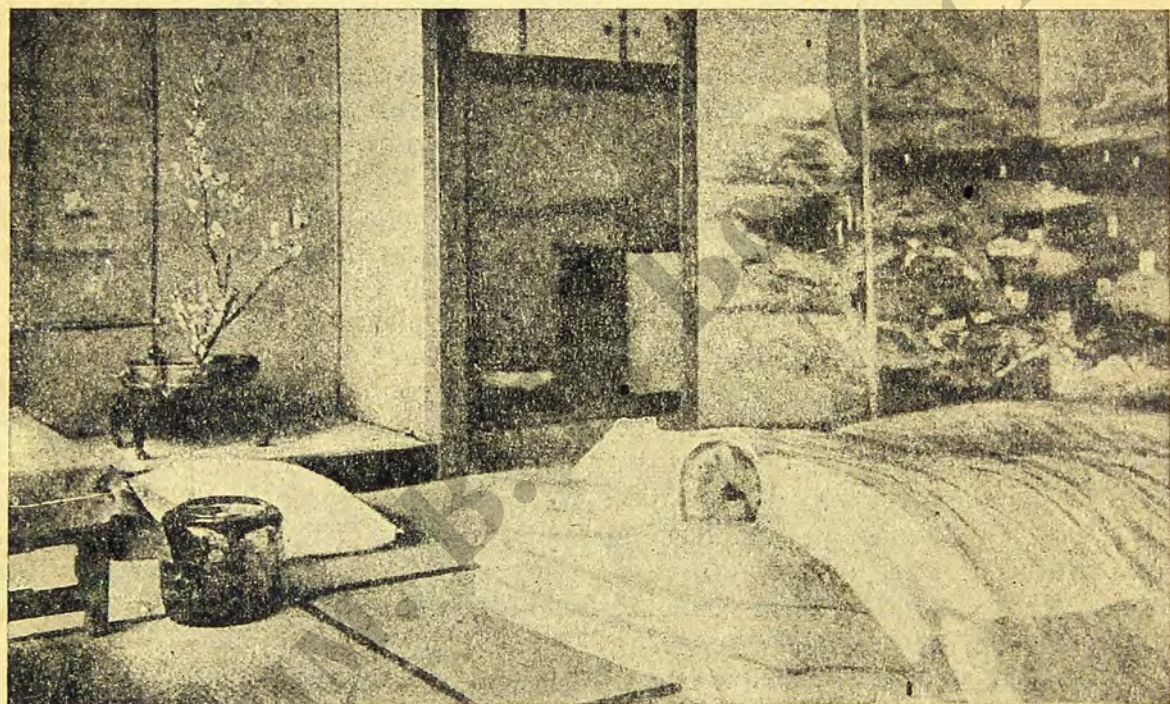

Рис. 1. Моя комната в гостинице Сацумайя.

в ожидании парохода, который должен был отвезти меня на острова Лиу-Киу, эти загадочные Ликейские острова, так очаровательно в свое время описанные Гончаровым в его «Фрегате Паллада».

Таксомотор быстро несся по широким улицам Кагошимы. По бокам тянулись вереницы освещенных лавок и магазинов, торгующих здесь до ночи. По улицам сновала толпа народа, оживленная, шумливая...

Подъезжаем к гостинице. На гудок автомобиля показывается хозяин, зовет слуг и служанок. Меня встречают с глубокими поклонами и приветствиями, из которых я понимаю одну десятую. В вестибюле, выходящем на улицу приступочкой, помогают снять ботинки, дают туфли-шлепанцы, чтобы не попортить лакированного пола коридоров.

— Есть ли для меня комната?

— Конечно есть, данна-сан! Добро пожаловать, данна-сан (господин).

В японских гостиницах, кажется, не случается, чтобы все комнаты были заняты. В крайнем случае не трудно из одной комнаты побольше

¹ См. «На берегах Тихого океана», Природа и Люди, № 5, 1928 г.

сделать две поменьше, несколько стеснивши постояльца. Стоит лишь перегородить комнату рамами с натянутой бумагой. По японским понятиям, этого достаточно, чтобы изолировать жильцов.

На этот раз, впрочем, не пришлось прибегать к такой экстренной мере. Мне отвели превосходную японскую комнату во втором этаже, конечно, без мебели, но зато с верандой, выходящею в сад, и с изящным карликовым деревцом и парю сацумских вазочек в нише. Без всякой с моей стороны просьбы мне вдвинули даже мягкое кресло, очевидно, специально предназначенное для чудаков-европейцев, не умеющих сидеть по-человечески, т. е. на полу. Но я принял героическое решение — возобновить опять японский образ жизни, к которому совсем было приспособился 26 лет тому назад, велел дать себе подушку и устроился на мягких татами (цыновках), составляющих и пол и мебель японского дома.

Зная сотню-другую японских слов и располагая на крайний случай маленьким французско-японским словариком, я не испытывал особых затруднений с языком. Правда, я не понимал и пятой части того, что мне говорили, но зато сам мог выразить достаточно понятно все, что нужно было для обихода. Вот только когда мне понадобился портной для кое-каких переделок и починок, у меня вышло маленькое недоразумение с моими любезными хозяевами. В словаре как раз оказалась случайно вырванной страница с «портным», а мои японцы никак не могли догадаться кого мне надо. Мне по очереди предлагали дантиста, массажиста и, кажется, даже гробовщика... Наконец, пришлось снять пиджак и зажужжать над ним машинкой.

— Куцуя, куцуя! — обрадовались они. И через пять минут почтенный представитель портняжного цеха был у меня и получал необходимые инструкции.

Само собою разумеется, как только я устроился в своей комнате, мне принесли чай со сладкими лепешками — японский «хлеб-соль». Вспоминая прежние дни, проведенные в Кагошиме, я примостился на подушке, поджав ноги, около хибача (жаровни), на котором кипел чугунный чайник с светложелтым, несколько вяжущим и имеющим совсем другой аромат, чем наш, японским чаем. На лакированном подносе была подана коробочка с лепешками и чашечка из сацумского фарфора... и только. Сахара или каких-либо других приправ к японскому чаю не полагается.

Несмотря на общий большой прогресс, японская гостиница за истекшие четверть века мало изменилась, и комфорта в ней не прибавилось. Единственным усовершенствованием были электрический звонок и электрическое освещение, да внизу, в конторе, звенел беспрерывно телефон, и раздавались перед ним бесконечные монологи хозяина и постояльцев. Мыться, как и в прежние времена, приходилось на холоду в коридорчике, пользуясь медным тазом сомнительной чистоты или, в лучшем случае, ковшиком, из которого поливала на руки «несан» (горничная).

После чая мне скоро принесли и «гохан» (ужин). На маленьком столике-подносе стояла большая чашка риса, вокруг нее лакированные чашки-коробочки с несъедобным для европейца супом, с ломтиками квашеной редьки, с кусочками сырой рыбы, политой острою соей, и еще с какою-то зеленью сомнительного вкуса. Впрочем, во внимание к моему европейскому происхождению, я получил и одно яйцо, поджаренное на сковородке... Надо было привыкать к позабытому было японскому меню. Впереди мне предстояло несколько недель пробыть на рисовой диете, — на островах Лиу-Киу режим, конечно, японский, и приходилось бросить всякую мысль о хлебе, мясе и т. п. баловствах...

Когда я поужинал, было уже поздно что-либо предпринимать, и, утомленный дорогою, я попросил устроить мне «токо» (спать). Несан в минуту превратила мою комнату в спальню. Притащила и разостлала на

татами тонкий тюфячок, достала откуда-то из стены пару толстых-претолстых одеял и подушку в виде валька, — хорошо еще что не подушку-скамеечку—под затылок. Впрочем, у меня была с собою пуховая подушка, — единственный предмет европейской роскоши, захваченный в путешествие. Во всем остальном я решил быть правоверным японцем. Кстати, в виде домашнего наряда, мне было положено вместе с постельными принадлежностями также и японское кимоно из бумажной материи, — оно должно заменять не признаваемые японским обиходом простыни. Под толстым «фтонгом» (одеялом) спать было, во всяком случае, не холодно и достаточно мягко.

На следующее утро солнечный луч, пробивающийся чрез стеклянные и бумажные рамы, стенки веранды, и щебетание птиц в саду рано разбудили меня. Умывшись в коридорчике на холоду, выпив горячего чаю и позавтракав тем же рисом с приложениями, я отправился осматривать город. Когда мы были здесь в качестве почетных гостей, членов Конгресса, нас два дня катали в автомобилях по окрестностям, показывали все достопримечательности, но самый город мы видели лишь мельком. А для меня взглянуть поближе на Кагошиму было особенно интересно — так хорошо пришлось познакомиться с ней четверть века назад!

Удивительно, как город разросся и американизировался. Он занимает теперь раза в четыре большую площадь, чем прежде. Широкие улицы с прекрасно бетонированной мостовой протянулись во все стороны, по ним то и дело несутся автомобили и грузовики. Лошадей здесь, как вообще в Японии, мало — эта страна от первобытного передвижения силою человека перешла прямо к автомобилю. По всем направлениям бегут также миниатюрные вагоны трамвая. Нечего и говорить, что освещение исключительно электрическое, и нет, кажется, хижин, где не было бы электрической лампочки. В кварталах, населенных разными ремесленниками, постоянно встречаешь применение электричества для станков, — столяр и бондарь распиливают доски электрическими пилами. Электричество в Японии глубоко вошло в жизнь и промышленность, — оно получается от соседних водопадов и стоит, положительно, гроши.

Я поднялся на высокий холм, расположенный почти над самой гостиницей, и долго не мог оторвать глаз от очаровательного зрелища. Морем красных черепичных крыш расстилается у моих ног город, разбитый на квадраты; за ним вырисовывается лазоревый Кагошимский залив, и из вод его поднимается один из красивейших вулканов Японии — вулкан-остров Сакуражима — «остров вишен». Голубой гигант, изрезанный морщинами складок и темными полосами лавы, — красивый, но опасный сосед. Сейчас он не обнаруживает никаких признаков жизни, но не так давно показал свою силу: 12 января 1914 г. началось знаменитое извержение Сакуражимы, продолжавшееся с небольшими перерывами две недели. Оно истребило целый ряд деревень у подножья и засыпало пеплом и вулканическими бомбами Кагошиму и все окрестности... Высота вулкана не велика, всего 1133 м, но его массивность, правильно-пологие склоны и широкая вершина, содержащая три кратера, один за другими, делают его величественным, тем более, что поднимается он прямо из моря.

Спустившись вниз, я направился в центр города. Он сильно обстроился и содержал уже несколько кварталов каменных домов европейского типа, каких раньше здесь не было и в помине. Несколько банков, редакции больших газет, какие-то казенные здания и даже довольно большой трехэтажный универсальный магазин на главной улице Кинсейдори придают этой части города почти европейский вид. Но торговая часть осталась попрежнему японскою: вереницы деревянных домиков с бумажными рамами и крутыми черепичатыми крышами заняты

внизу сплошь торговыми помещениями. Пестрые вывески с узорчатыми китайскими письменами, кипы ярких материй, гирлянды готовых кимоно и пестрых «оби» (пояса для женских кимоно) придают чисто восточный колорит этому сплошному, бесконечному базару.

Приближается Новый год — главный японский праздник, когда заключаются все счета, подводятся все итоги, а главное — все служащие в казенных учреждениях получают дополнительное вознаграждение в размере месячного жалованья — старинный и весьма, надо признать, почтенный обычай. При ничтожных размерах жалованья, получаемого в Японии всеми чиновниками, это событие играет огромную роль в жизни каждого из них. К Новому году приурочиваются все мечты о покупке нового платья для себя и для семьи, о подарках детям и родственникам, о скромных и нескромных удовольствиях, которые можно себе позволить после продолжительного существования в обрез...

Все это создает в торговой части города большое оживление, особенно вечером, когда все магазины и лавочки светятся разноцветными лампочками и привлекают публику яркою, бросающеюся в глаза рекламою. Здесь в полной мере сохранился еще обычай зазывания покупателей. Вроде наших апраксинцев, японские приказчики зычными причитаниями приглашают покупателей — «у нас покупали, лучше нигде не найдете, только у нас такой первоклассный товар»... И покупатели, а особенно покупательницы в темных кимоно, на высоких деревянных скамеечках-сандалиях, поддаются гипнозу этих сирен и часами просиживают в лавках, ведя бесконечные разговоры и пересматривая и пересчитывая весь товар. В этом отношении японские торговцы удивительно терпеливы. Можно перевернуть всю лавку, ничего не купить и все-таки вас будут провожать низкими поклонами и покорнейшими просьбами «еще раз осчастливить своим высокочтимым посещением»...

Пора было подумать о своих делах. Мне надо было прежде всего узнать, когда отходит пароход на Лиу-Киу или «Риу-Киу», как произносят японцы, — они совершенно неспособны выговорить букву «л», тогда как китайцы, наоборот, выговаривают «л» и не могут произнести «р». Острова Лиу-Киу принадлежали сперва Китаю и название их выговаривалось по-китайски, с переходом же к Японии они стали островами Риу-Киу, — так их теперь называют не только японцы, но и американцы, и на новейших европейских картах можно найти это начертание.

Пристань Кагошима также значительно усовершенствовалась и разрослась. На довольно большом протяжении построена каменная набережная, устроен небольшой порт с выдвинутыми в море молами, имеются кое-какие приспособления для выгрузки. Несколько пароходов каботажного плавания, буксиры и множество японских грузовых джонок разных размеров заполняли гавань. На набережной царило большое оживление, сновали грузчики с тяжелыми тюками, нагружались и разгружались неуклюжие повозки, — для перевозки грузов лошади все же получили в Японии некоторое применение, хотя значительная часть грузов перетаскивается на спинах носильщиков или на ручных тележках.

Я без труда нашел контору Осака-Шозен-Кайша — одной из главных японских пароходных компаний, поддерживающих множество линий, в том числе и лиукийскую. Несколько труднее уже было договориться с клерками, не знающими ни одного слова ни на каком языке кроме японского, но, в конце концов, я выяснил, что на Амами-Ошиму — первый из островов Лиу-Киу, самый северный, — пароход «Дайги-мару» отправляется послезавтра, 2 декабря.

У меня было, следовательно, еще два дня для устройства всех остальных дел. Из них самым существенным было — доставить на пароход мой тяжелый багаж, пришедший со мною в поезде, но оставленный на станции.

Это были мои ящики со всяким снаряжением, банками, реактивами, спиртом и формалином. Я предполагал ведь не просто посмотреть природу и людей Лиу-Киу, — меня прельщала богатая фауна и флора островов, очень мало известная. Ни одного русского натуралиста до сих пор не было на этих островах, куда русские мореплаватели попали одними из первых. В наших музеях животный и растительный мир Лиу-Киу не был вовсе представлен, и мне хотелось собрать как можно больше всяких дикушинок, которыми богата флора и фауна островов, крайне своеобразная, содержащая много животных и растений, которые больше нигде в мире не встречаются. И вот, еще в Токио я запасся всем необходимым для собирания, — правда, не в достаточном все же количестве, как позднее оказалось, — средства мои были очень ограничены: всех припасов я мог купить всего рублей на сто на наши деньги.

Наконец, договориться о доставке моих тяжелых ящиков на пароход мне также удалось после долгих переговоров, и я вернулся в гостиницу, чрезвычайно довольный своими лингвистическими подвигами... Увы, мне потом приходилось горько раскаиваться в своем легкомыслии, — надо было самому доставить ящики и присмотреть за их выгрузкой и нагрузкой. Японские грузчики ничем не отличаются от наших по своим методам обращения с грузом и, очевидно, швыряли мои ящики, как тюки хлопка или кули с рисом: при распаковке оказалось, что, несмотря на тщательную упаковку, много стеклянной посуды, банок и склянок побито.

Мне предстояло еще одно дело — визит к Кагошимскому губернатору. Поездка моя не имела никакого официального значения, но у меня были особые основания навестить главного хозяина края. Дело в том, что остров Амами-Ошима лет четыреста тому назад был завоеван сацумским даймио (князем) и по наследству и теперь составляет часть Сацума-кен, т. е. Кагошимского губернаторства. Мне было обещано в Токио всякое содействие местных властей японским премьер-министром Р. Вакатцуки, с которым пришлось лично познакомиться во время III Все-тихоокеанского конгресса. Такое содействие обещал мне и президент Конгресса проф. Джоиджи Сакураи, в то же время президент Японской Академии наук и Национального исследовательского совета. Уже это обстоятельство заставляло меня из вежливости посетить губернатора, который, несомненно, был извещен из Токио заранее о моем приезде, да и узнал о нем, конечно, через полчаса после моего появления в гостинице чрез посредство всеведущей японской полиции, никогда не упускающей из виду иностранцев.

Впрочем, у меня к губернатору было и еще одно специальное дело. Два живые существа привлекали мое особое внимание на Амами-Ошима — «куро-усаги» — «черный заяц» и «рури-какесу» — «синяя птица», — две главнейшие зоологические редкости самого северного из островов Лиу-Киу. И тот и другая свойственны исключительно этому небольшому острову и нигде больше не встречаются, — это делает их огромною редкостью в музеях, тем более, что на Амами-Ошима был до сих пор, кажется, только один единственный европейский зоолог, проф. Дёдерлейн. Несколько экземпляров их попало в Британский музей и еще в два-три музея чрез посредство различных собирателей, но все же до сих пор и заяц и «синяя птица», близкая к сойке, почти не изучены и составляют завидную добычу для каждого зоолога. Вполне естественно, что мне хотелось их получить. Но еще в Токио я узнал, что обе эти редкости совершенно недоступны, так как находятся под особой охраной законов, в качестве «памятников природы». Это симпатичное движение в сторону защиты вымирающих под натиском человеческого хищничества животных и растений получило за последние годы в Японии широкое развитие, и 10 видов птиц и зверей поставлены под полный запрет в смысле охоты, — в том числе значатся и обе редкости Амами-Ошимы.

Само собою разумеется, что для научных целей их все же получить возможно, но для этого необходимо особое разрешение министерства внутренних дел. Благодаря любезному содействию нашего полпредства в Токио, было возбуждено дипломатическим путем ходатайство о разрешении мне добыть несколько черных зайцев и синих птиц, и на словах было получено полное согласие, но никаких документальных данных у меня не было, и необходимо было узнать у представителя власти, могу ли я осуществить на деле свою мечту.

Я облачился в сюртук и для поддержания престижа подъехал к губернаторскому дому на автомобиле. Появление мое вызвало, повидимому, некоторый переполох в канцелярии: европеец здесь все же слишком редкий гость. Не знали, куда меня девать, побежали за переводчиком, говорящим по-английски, и долго не могли его разыскать. Я имел случай понаблюдать жизнь японской канцелярии, выгодно отличающейся от наших только тем, что не слышно несносного стрекотания пишущих машинок. Сидят писцы за горами тонкой и мягкой бумаги и выводят кистями и тушью заковыристые китайские каракули. Вместо подписи оттискивается непременно именная печать красною краскою. Кое-кто пощелкивает на счетах, напоминающих наши, а кое-кто — и пожалуй большая часть — как у нас, занимается просто болтовней, чтением газет и питьем чая, который разносит служительница.

Наконец, переводчик нашелся, я передал ему свое желание видеть «его превосходительство», а также и вручил свою визитную карточку на японском языке — наполовину слоговым письмом (хираканой), наполовину китайскими иероглифами. Я сам, конечно, ее прочесть не мог и верил на слово, что там написано «что надо». Меня пригласили в приемную европейского вида, с мягкой мебелью, тяжелыми драпри и портретами каких-то очень важных японских сановников на стенах.

Пришлось еще несколько минут подождать, пока меня проводили в кабинет к «его превосходительству». Меня встретил полный средних лет японец, в сюртуке, наверное, если не говорящий, то прекрасно понимающий по-английски, он, тем не менее, начал со мною разговор через переводчика. Это обычный прием японских администраторов и государственных людей, — с одной стороны, они стесняются, может быть, делать ошибки в английском языке, а с другой — выигрывают время для обдумывания и формулировки ответа.

Разговор начался, конечно, со взаимных любезностей. Губернатор спросил меня, хорошо ли я доехал, доволен ли гостиницей, как мне нравится город. Я похвалил Кагошиму, рассказал, что был в ней 26 лет тому назад и прямо не могу ее узнать, так изменилась она с тех пор...

Затем я перешел к делу. Изложил цели своей поездки на Лиу-Киу и, в частности, на подведомственную ему Амами-Ошиму, просил его содействия, которое он мне обещал. Наконец, дошло дело и до «синей птицы» и «черного зайца», но тут губернатор сразу занял непримиримую позицию.

— Невозможно! Никак невозможно!.. Вы знаете, у нас строгие законы... За охоту на этих животных полагается тюремное заключение...

Он сказал что-то своему секретарю, и тот притащил книгу законоположений, в которой отыскал закон о защите «памятников природы» и перевел мне соответствующие места.

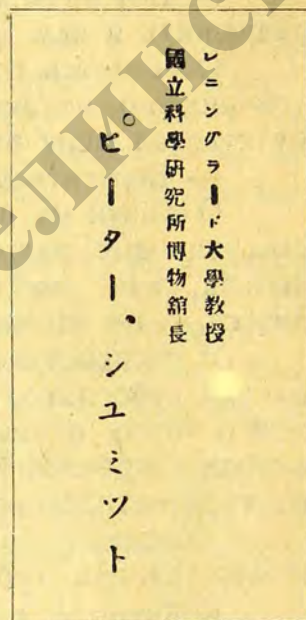

Рис. 2. Моя визитная карточка.

— Да, я знаю все это! Мне еще в Токио об этом говорили, но ведь для научных целей делается исключение... В Министерстве внутренних дел мне обещали разрешить охоту...

— Никак невозможно!... Я очень сожалею, но не могу вам разрешить... Из Министерства мне ничего не сообщили о разрешении...

Вместе с тем, он сказал что-то секретарю, и тот куда-то отправился...

Я с ним еще немного поторговался, потом увидел, что это бесполезно, и перевел разговор на другие темы. Стал расспрашивать об его области, об острове Амами-Ошима, его населении и экономике... Губернатор очень охотно давал мне все разъяснения, вытаскивал статистические сборники, карты, видимо довольный, что разговор сошел со скользкой почвы.

Через некоторое время секретарь вернулся и принес какой-то небольшой сверток, который передал губернатору. Тот развернул бумагу, — в ней оказалось чучело «синей птицы»...

— Вот позвольте вам подарить это чучело для вашего музея... А охоту разрешить я вам все-таки не могу!..

Оставалось только поблагодарить «его превосходительство» за такую совершенно исключительную любезность и откланяться. Губернатор напутствовал меня благими пожеланиями и советами.

— Берегитесь только: на острове много ядовитых змей — «хабу»!..

О змеях на Амами-Ошима говорил мне каждый из японцев, с которым заходил разговор об этом острове. Очевидно, остров — притча во языцах, как змеиное царство, и как мне впоследствии пришлось убедиться, — не даром...

Я распрощался с любезным сановником. Меня интересовало только, откуда губернатор достал чучело «рури-какесу»... По этикетке, привязанной к ножке птицы, и из расспросов чиновников я узнал, что он просто послал секретаря в Кагошимский музей, который находится неподалеку от губернаторского дома...

«Хорошо, — подумал я про себя: — что у нас нет таких любезных к иностранцам губернаторов, а то что случилось бы с нашими музеями...».

Конечно, с моей стороны эти мысли были черной неблагодарностью...

Отказ губернатора меня несколько не обескуражил. Прямо от него я отправился на телеграф и послал депешу в наше полпредство в Токио с просьбой понажать на Министерство внутренних дел, чтобы они свое обещание исполнили.

На следующий день пароход «Дайги-мару» отходил в 3 часа дня. Я с утра расплатился в гостинице, распрощался с хозяином и хозяйкою, провожавшими меня земными поклонами, и перебрался на пароход. Заняв там каюту первого класса, я отправился гулять по городу. Зашел на рыбный рынок, где мне в первое мое посещение Кагошимы удалось собрать обширную и ценную коллекцию рыб.

Там все оставалось по старому. Ряды полутемных, прикрытых тентами лавочек с наклонными прилавками, на которых разложены груды даров моря. Ярkokрасные тай, пестрые морские окуни и морские петухи, пятнистые угри-мурены чередуются здесь с блестящими серебром морскими щуками и темными камбалами. Каракатицы и осьминоги в корзинах, еще полуживые, переливают всеми цветами радуги; кое-где светятся зеленым блеском глаза акулы, скалящей с прилавка свои острые зубы. То и дело носильщики притаскивают привезенных с моря огромных темносиних тунцов или волокут гигантского ската. Горы креветок, крабов, разнообразных моллюсков дополняют поразительное разнообразие товаров этого рынка. Кагошимский залив — одно из лучших в Японии промысловых мест. Накануне губернатор рассказывал мне, что теперь там промышляет 6 000

лодок и из них 450 моторных. Рыбным промыслом занято 20 000 рыбаков, и стоимость добычи их оценивается около миллиона иен.

Когда я вернулся на пароход, приготовления к отплытию были в полном разгаре. Лебедки трещали во-всю, всюду сновали носильщики с тюками, на пристани толпились провожающие, пароход был набит пассажирами третьего класса. В первом классе, имевшем всего шесть кают, ехало лишь несколько человек, конечно, исключительно японцев.

Наконец, раздался третий свисток, и наш пароход отчалил, провожаемый прощальными приветствиями собравшейся толпы. Мы пошли по заливу мимо величественного голубого Сакуражиму с его резко очерченными потоками недавней лавы. Я глядел на вулкан и сожалел, что мне не удалось сделать на него экскурсию и подняться на вершину. Я и не ожидал, что мое желание скоро будет исполнено...

Зазвонили к ужину. В небольшой кают-компании собралось пять пассажиров, повидимому, все японские коммерсанты, ехавшие на Лиу-Киу по торговым делам. Ожидали капитана, который не замедлил явиться с двумя старшими офицерами. Он любезно, как хозяин, пригласил начинать трапезу, и мы, сидя за столом по-европейски, заработали палочками, отправляя в рот рис из лакированной коробочки и различные приправы, расставленные перед каждым в чашечках. Это было уже, собственно говоря, нарушением стиля, такое смешение японского с европейским, но в первом классе полагалось быть наполовину европейцами... В третьем классе, я видел, располагались прямо на циновках, по-японски.

Когда я вышел по окончании ужина на палубу, уже темнело. Залив расстился, гладкий, как зеркало. Мы приближались к его выходу и на оранжевом от вечерней зари горизонте вырисовывался стройный конус Каймон-даке, одного из красивейших вулканов Японии. Было прохладно, но с юга тянул теплый ветерок, напоминая, что мы находимся все же под 29° с. ш., всего в 5¹/₂ градусах от тропика Рака...

Я спустился в каюту и лег спать, рассчитывая, что утром проснусь уже недалеко от островов Лиу-Киу... Ночью я слышал сквозь сон, что пароход как будто останавливался на некоторое время, потом опять пошел...

— Верно, туман спустился на море, — подумал я и заснул снова.

Когда я проснулся, было уже светло. Я выглянул в иллюминатор и увидел какие-то высокие берега, а далее красивый вулкан, удивительно похожий на Сакуражиму. Я стал протирать глаза, — нет, не может быть никакого сомнения, — это Сакуражима со своими лавовыми потоками. Не может же быть на Лиу-Киу двойника этого вулкана, — да там и нет вулканов вовсе.

Наскоро одевшись, выскакиваю на палубу. Вижу знакомую картину: впереди на покатом склоне располагается Кагошима, мы подходим к ее пристани и уже замедляем ход...

Старший офицер, говоривший немного по-английски, объяснил мне кое-как, в чем дело. Только что мы вышли из залива, как обнаружилась сильная течь в котле парохода. Капитан побоялся выходить в открытый океан в таком состоянии, и мы вернулись в Кагошиму.

— Что же теперь будем делать?

— Починимся и после полудня выйдем опять...

Нечего делать!.. Завтракаю на пароходе и прошу у капитана разрешения съездить на Сакуражиму.

— Нет, нет!.. Не успеете!.. После полудня мы уходим!..

Пришлось еще бродить по городу и заниматься наблюдениями над его жизнью. К полудню я вернулся, но отошли мы только в 3 часа. Опять на пристани собралась толпа провожающих, но на этот раз их было уже поменьше прежнего.

— Что же, вычинили котел? — спрашиваю старшего офицера.

— Вычинили, своими средствами! — заявляет он с гордостью.

Увы, средства оказались плохими! На этот раз не прошли мы и мили по заливу, как котел опять потек, и нам пришлось завернуть снова в гавань. Провожавшие не успели еще разойтись и встретили нас смехом и веселыми шутками...

— Ну, а что же теперь будем делать? — спрашиваю своего моряка, имевшего очень сконфуженный вид — в кои веки раз ему европейца везти пришлось, и тут вдруг так оскандалились...

— Придется перегрузить весь груз и пассажиров на другой пароход, а мы в док пойдем... Вот тут рядом стоит «Анпин-мару», на нем вы и поедете... Пароход больше нашего и новый, на нем вам будет удобнее...

Подошли к «Анпин-мару», стали бок о бок с ним, начали перегружать все, что было в трюмах. Бой перетащил мой багаж в каюту «Анпин-мару», действительно, более просторную и удобную, и я опять пошел гулять по городу...

На следующее утро оказалось, что мы никак не сможем кончить погрузку раньше трех часов, и я решил все-таки предпринять экскурсию на Сакуражиму.

Рис. 3. Извержение вулкана Сакуражима в январе 1914 г.

В 8 часов утра я сторговал у пристани моторную лодку, которая взялась меня перевезти на Сакуражиму. Между островами и материком существует и регулярное пароходное и моторное сообщение, но первый рейс был в 10 часов, и мне не хотелось терять времени. Погода была солнечная и тихая, и поездка по голубому заливу доставляла много удовольствия. Вулкан все резче и резче вырисовывался передо мною, окруженный у подножья кольцом зеленых садов и плантаций, и вершина его мало-по-малу исчезала за высокими передними уступами древних лавовых потоков.

Когда мы ближе подошли к острову, справа обнаружился далеко вдающийся в море мыс черного, как уголь, цвета, весь состоящий из нагроможденных друг на друга обломков. Это был западный лавовый поток, вылившийся в море при последнем извержении 1914 г. У острова он поднимался метров на 50 над уровнем моря.

Пристав к берегу, я отпустил лодку, велел ей зайти за мной к часу дня, а сам по тропинке направился наверх, на уступ, опускавшийся почти отвесным обрывом и носящий название Хакамагоши. Наверху

имеется довольно обширная площадка, где построены небольшие рестораны и ларьки, действующие в более теплое время года, но теперь пустые.

С края уступа открывался дивный вид на залив с расположенной на противоположном берегу Кагошимой, а также и на лежащие сзади ряды гор и виднеющиеся на севере вулканы Киришима. На юге вырисовывался грациозный Каймон-даке. Интереснее всего, однако, был тот лавовый поток, который я видел уже с моря. Он расстился здесь во всем своем величии. Виден был и исток его на голубых склонах вулкана. Он вылился не из одного из трех его главных кратеров, а из нового отверстия, возникшего сбоку вулкана. Колоссальное нагромождение черных кусков лавы представляло собою, по сравнению с окружающими зелеными полями на склонах вулкана, мрачное поле смерти. Всепобеждающая могучая растительность юга еще не успела его завоевать.

Рис. 4. Поток лавы с вулкана Сакуражима, вскоре после извержения.

Рассматривая этот поток, невольно хотелось восстановить картину извержения. По описаниям и по рассказам очевидцев, это была настоящая картина гибели мира. К счастью, извержение не было внезапным. Утром 10 января началось сперва землетрясение, сопровождавшееся грохотом, исходившим из-под земли и напоминавшим сильнейшую канонаду. Толчки становились все чаще и чаще, и грохот раздавался громче. Жители многочисленных деревень, расположенных у подножья Сакуражимы, в ужасе бежали на материк, бросая свои дома и хозяйство. В качестве предупреждения, в нескольких местах стали появляться горячие источники и в Аримура горячий ключ забил фонтаном.

Извержение началось утром 12 января. Со страшным грохотом вырвался из нового отверстия на западном склоне на высоте 400 м огромный столб дыма, образовавший целое облако, поднявшееся на 6 000 м. По склону потекла лава, из нового кратера стали вырываться столбы пара и полетели вверх огромные камни и тучи пепла. После полудня весь остров был окутан густым облаком дыма. То и дело сверкала молния, раздавались раскаты грома, и земля колебалась от подземных ударов.

Ночью среди тьмы вершина вулкана горела и вспыхивала яркими взрывами. Кагошима была засыпана пеплом, мелкой пемзой (лапилли) и изрядным количеством вулканических бомб. Жители в панике бежали внутрь страны.

Почти одновременно с западным потоком вырвались из вулкана еще два не менее мощных потока лавы на южном и на восточном склоне его. К счастью, лава текла медленно и прошла 3 км до моря в три дня. По дороге она уничтожила на западном берегу две деревни. Когда поток влился в море, поднялись густые столбы пара, море закипело и множество мертвой рыбы долгое время плавало на поверхности. Поток лавы достиг небольшого островка Карасужима, расположенного в 600 м от берега, и покрыл его. Восточный поток лавы, еще более мощный чем западный, заполнил весь узкий пролив, отделявший Сакуражиму от берега залива и, таким образом, с того времени Сакуражима представляет собою, в сущности, полуостров.

По мере выхода лавы, извержение стало ослабевать, но все же еще до конца января происходили от времени до времени отдельные

взрывы, вызывавшие появление новых туч пепла. Последним был покрыт почти сплошь остров Киу-Сиу, остров Шикок и главный остров Японии Нипон. Пепел заносило на расстояние даже 1 200 км от Сакуражимы.

Видя перед собою грандиозный лавовый поток, я живо представлял себе ужасающую картину извержения, — оно по размерам не уступало, надо думать, знаменитому извержению Везувия, при котором были засыпаны Геркуланум и Помпея. К счастью для Кагошимы, она отделена от своего опасного соседа проливом и хотя пепел и бомбы и наделали не мало бед, город все же уцелел. Несчастных случаев с людьми

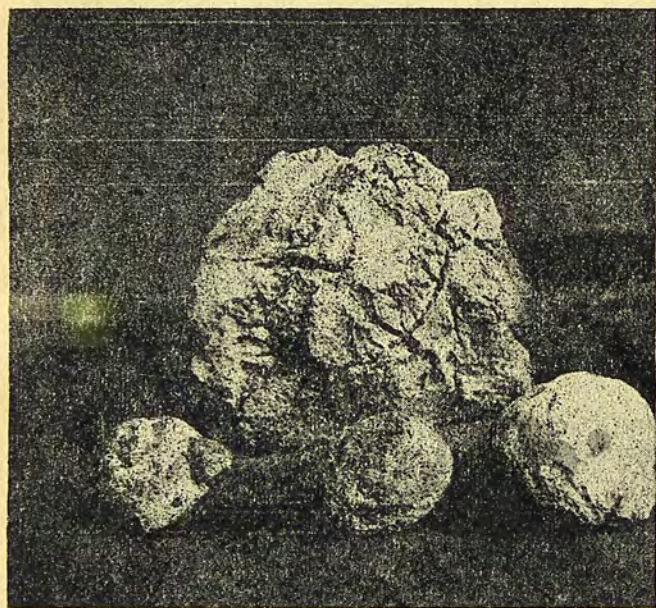

Рис. 5. Вулканические бомбы.

было немного, — огромному большинству населения Сакуражимы удалось спастись.

Налюбовавшись вдоволь на залив и на лавовый поток, я высмотрел на склоне вулкана место, по которому, мне казалось, наиболее удобно подниматься, и решил подняться на столько, сколько позволит время, — к часу мне надо было вернуться к пристани.

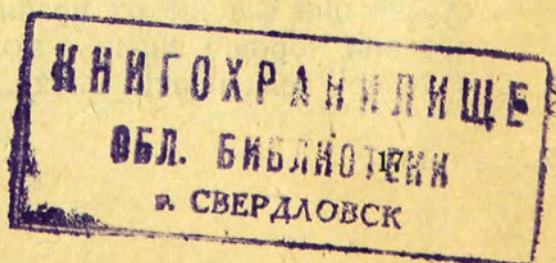
Пришлось спуститься к морю, пройти по берегу до ближайшей деревеньки, и оттуда уже по тропинкам, идущим между полями, распаханными для бататов, для знаменитой кагошимской редьки и кукурузы, я начал подниматься в гору. Когда кончились поля и начались перелески из японской сосны, камфарных деревьев и густых кустарников, подъем стал труден. Приходилось выискивать тропинки, так как продраться сквозь чащу кустарников, переплетенных цепкими колючими и ползучими растениями, совершенно невозможно. Я долго блуждал по разным тропинкам, поднимаясь мало-по-малу все выше и выше. Наконец, древесная растительность стала исчезать, склоны делались круче и передо мной вырисовывался вдали один из кратеров вулкана, вероятно средний, Накадаке. Из расщелины его в бинокль была заметна вырывающаяся струя

серных паров. Если бы я свободно располагал временем, через час или полтора я, наверное, смог бы достигнуть кратера. К моему огорчению, стрелка часов передвинулась уже на полдень, пришлось сделать небольшой привал, полюбоваться на кратер издали и начать спуск. По пути я собрал кое-какие растения. Несмотря на декабрь месяц, было еще довольно много представителей флоры в цвету, но животная жизнь почти отсутствовала. Ни ящериц ни змей не было видно, птиц также попадалось чрезвычайно мало. Когда же я попробовал приподнять несколько камней, рассчитывая найти под ними жуков, я встретил там только диких тараканов.

К часу я был уже у пристани и должен был еще подождать с четверть часа, пока за мной пришла моторная лодка из Кагошимы.

На «Анпин-мару» все еще происходила погрузка, но видимо уже заканчивалась, и, действительно, в 3 часа мы снялись с якоря и в третий раз отправились в плавание. На этот раз все шло благополучно. К вечеру мы вышли в открытый океан и оставили за собой изящный конус Каймон-даке. Утомленный утренней прогулкой, я тотчас же после ужина лег спать, надеясь, что на этот раз уже не проснусь опять в надоевшей мне изрядно Кагошимае...

II.

На Амами-Ошима.

Город Назе. — У миссионеров. — В школьном музее. — На экспериментальной сельскохозяйственной станции. — В змеятнике.

Когда я на следующее утро вышел на палубу, мы были в открытом океане. День был ясный, солнечный. Поверхность моря чуть подернута легкой зыбью, и пароход шел спокойно и плавно, как по озеру. Вдали позади нас вырисовывался темный силуэт высокого острова, поднимающийся из моря. Это был остров Якушима, еще не причисляемый к настоящей цепи Лиу-Киу. Вместе с лежащим с ним рядом островом Танегашима он составляет как бы придаток к Киу-Сиу и по природе своей и по историческим отношениям.

Западнее от нашего пути виднелось в отдалении несколько мелких островков, а впереди вырисовывался уже в голубой дымке контур Амами-Ошимы, самого северного из цепи островов Лиу-Киу. Остров этот поднимался из моря сплошным массивом, на нем не заметно было выдающихся вершин. Надо сказать, впрочем, что острова Лиу-Киу, в противоположность островам Японии, не вулканического происхождения и не несут вулканов. Они сложены из древних пород, гранитов, диоритов, порфиров и песчаников, а отчасти образованы новейшими коралловыми известняками — бывшими коралловыми рифами, поднявшимися из моря.

До цели моей поездки оставалось, однако, еще несколько часов ходу, и я успел позавтракать в компании капитана, старшего офицера и нескольких пассажиров. Завтрак прошел оживленно.

Все истомились ожиданием и тщетными попытками «Дайги-мару» выйти из Кагошимского залива и теперь радовались, что до города Назе, куда большинство японцев ехало, наконец, уже не далеко. Особенно тяжело пришлось пожилому японскому купцу, ехавшему в Назе вместе со своей женой хоронить сына. Они уже с неделю тому назад получили телеграмму об его смерти и все никак не могли попасть на Амами-Ошиму. О печальной цели их путешествия я узнал по целому грузу белых бумажных лотосов и других цветов, которые заполняли их каюту. Это неизбежная похоронная принадлежность буддийского погребального обряда. Цветы несут за гробом покойника и затем вместе с ним сжигают.

Само собою разумеется, что моя персона была в центре всеобщего внимания. Иностранец вообще редкость в здешних местах, а тут еще — русский... Впрочем, из разговоров, происходивших при посредстве капитана, который немного говорил по-английски, выяснилось, что о нашей стране они все имеют крайне ограниченные представления. Единственное, что они хорошо знали — это, что на нашей войне сделали хорошие дела, а теперь дела плохи, плохи...

Конечно, моя поездка за «синей птицей» и за «черным зайцем» всех интересовала, и каждый считал своим долгом поставить меня в известность, что охота на них запрещена. Не забывали меня предостеречь мои собеседники и об изобилии на Амами-Ошима ядовитых змей — «хабу». Рассказывали, конечно, разные чудеса о рыбах и о других животных, населяющих море у берегов Лиу-Киу. Японцы, как истые приморские жители, очень интересуются жизнью моря, и каждый знает, что-нибудь необыкновенное...

В интересных разговорах быстро летело время, и, когда я вышел опять на палубу, остров был уже близко, и в бинокль можно было легко рассмотреть его высокие крутые уступы, прямо спускающиеся в море. Когда мы подошли еще ближе, то заметили, что в одном месте скалы раздвигаются, и перед нами открывается глубоко врезающийся в остров залив. Пароход направился прямо в него, и мы могли любоваться узорчатыми крутыми берегами, покрытыми темною зеленью тропического леса. Кое-где по самому берегу ютились хижины с высокими крышами. Поверхность залива была оживлена многочисленными парусными лодками.

Наконец, в глубине залива показалось большое число домиков и какая-то башня, — как потом обнаружилось, когда мы подошли еще ближе, — католическая церковь.

— Назе! Назе! Главный город на Амами-Ошима! — говорит капитан.

Город лежит в небольшой долинке, расположенной между горами и морем, и не производит особенно грандиозного впечатления. Видно, что это довольно скромное поселение.

Вся масса пассажиров третьего класса пришла в движение. Выволакивались на палубу корзинки, тюки; женщины устраивали детей у себя за спиною, сажая их под кимоно и подхватывая поясом, мужчины церемонно раскланивались с остающимися на пароходе знакомыми... Пароход остановился. Загремела якорная цепь, и раздались протяжные гудки, отражающиеся эхом от гор.

На берегу давно уже копошились люди, стаскивая в воду большие лодки. Пристани или мола не было видно, — пароход принужден останавливаться здесь в открытом заливе, и стоянка при сильном северном ветре бывает здесь настолько опасна, что пароход либо вовсе не заходит в Назе, либо зайдет, посвистит, сбросит почту в подошедший катер и уйдет опять в открытое море в ожидании перемены ветра...

Через несколько минут нас окружили лодки, и началась суматоха выгрузки пассажиров, почты и грузов... Мой багаж, состоявший главным образом из ящиков с банками и прочими принадлежностями для сбора коллекций, был уже заранее любезно отставлен в сторонку, и его теперь сразу погрузили на одну из больших лодок пароходной компании, куда за ним последовал и я, распростившись с капитаном и моими новыми знакомыми.

Мне еще на пароходе рекомендовали остановиться в «отеле» Су-хиро. Хозяин этого «отеля», пожилой японец, оказался на берегу и помог мне переселиться под свой гостеприимный кров. Итти было не далеко, «отель» находился тут же на берегу.

Конечно, это оказалась обыкновенная японская «ядойя», по устройству много примитивнее той японской гостиницы, в которой я жил в Кагошима. Мне отвели, однако, лучшую, просторную и светлую комнату, выходившую двумя сторонами прямо в сад, за оградой которого шумело море. Воздуха и света было достаточно, температура, правда, не отличалась от внешней, но погода стояла теплая, и холодно днем не было; ночью же задвигались деревянные ставни на окружавшей дом узенькой веранде, они защищали от ветра и дождя, и становилось теплее. Эта веранда служила мне походной лабораторией. На ней я расположился со

своими банками и жестяными ящиками. Писать же приходилось по японскому способу, стоя на коленях перед низеньким столиком, или просто лежа на мягких татами (цыновках), представлявших собою пол комнаты.

Несмотря на всю примитивность «отеля», он, как и все дома в Наэ, освещался электричеством и обладал телефоном, по которому непрерывно болтали по очереди все обитатели; японцы и особенно японки, как мне в этом неоднократно приходилось убеждаться, большие любители телефонных разговоров...

Я превосходно устроился в своей комнате. Ящики мои поставили в обширной передней на земляном полу, — там их удобно можно было распаковывать и доставать из них необходимое. Разумеется, сейчас же мне был предложен ритуальный чай со сладкими лепешками, а вскоре за ним последовал и «гохан» — обед. Меню было обычное, японское — рис с различными прилагательными морского и сухопутного происхождения. Меня угостили даже квашеной редькой, которая здесь, на Лиу-Киу, является уже заморским лакомством. Она не разводится на островах и привозится из Кагошимы.

После завтрака я отправился осматривать город. Он окружен высоким амфитеатром гор, спускающихся крутыми уступами к морю. Свободною остается небольшая долина, на которой и расположился Наэ. Несколько длинных улиц, пересеченных короткими переулками, все из невысоких японских домиков, образующих в центральной части города сплошной базар, так как в нижнем этаже находятся торговые помещения. Полиция, суд, тюрьма и ратуша представляют собою миниатюрные строения европейского типа. На самом видном месте, посредине города, возвышается католическая церковь, сложенная из красного кирпича, с высокой башней. Рядом скромное здание католической миссии.

Мне пришлось еще в Кагошиме познакомиться с одним из здешних миссионеров, и теперь я решил зайти в миссию и возобновить знакомство. Миссионеры-францисканцы, по происхождению французы из Канады, приняли меня чрезвычайно радушно. Сюда редко заглядывают европейцы, и им приятно было видеть свежего человека, с которым можно поговорить на родном языке. Для меня же это знакомство оказалось необычайно ценным, — они помогли ориентироваться мне в незнакомой обстановке, познакомили меня со всеми учреждениями и лицами, которые могли быть для меня интересны, и не мало содействовали успеху моих экскурсий. В течение следующих дней то тот, то другой из них предлагал мне свои услуги переводчика и проводника. Они по многу лет уже жили здесь, знали всех и вся и имели всевозможные связи в городе и на острове. Для меня же здесь на Амами-Ошима и мой скудный запас японских слов и выражений был почти бесполезен, так как местное население говорит на особом языке, лиукийском, сходном с древне-японским, но мало похожем на современный. Найти здесь переводчика оказалось невозможным, и если бы не помощь моих французов, я был бы в большом затруднении.

Я просидел в миссии до вечера, занятый интересными разговорами о местной жизни и нравах. При содействии моих новых знакомых я выработал план дальнейших действий и получил с их стороны обещание помочь мне его осуществить.

На следующее утро, как раз когда у меня сидел один из миссионеров, ко мне неожиданно явился с визитом местный полицейский чин. С самыми любезными улыбками и пришепечиваниями он заявил мне от имени начальника округа, что я могу охотиться здесь на острове на кого угодно, но только не на «синюю птицу» и не на «черного зайца». Очевидно, мои кровожадные намерения, направленные против этих двух «памятников природы», стали здесь уже известны.

Я успокоил почтенного представителя власти заверением, что уже знаю о запрещении охоты на этих редких животных и, конечно, не буду охотиться на них, если не получу специального разрешения.

Мой гость с такими же японскими учтивостями откланялся.

Для начала ознакомления с местной природой и жизнью отправляюсь с одним из миссионеров в среднюю школу, где преподается естественная история и имеется небольшой музей местной природы.

Мы подошли к невысокому деревянному зданию, легкой барачной постройки, широко раскинувшемуся и окруженному рядом дворов для игр и спорта. Нас встретил предупрежденный по телефону директор школы и двое преподавателей, говорящих с грехом пополам по-английски. Приняли нас очень любезно и повели показывать школу. Она, как и все японские школы, по устройству очень скромна, но целесообразна и приспособлена к местным условиям. Просторные классы с партами и досками, как у нас, широкие коридоры, много света и, пожалуй, слишком много воздуха и никакого отопления, так что в холодные дни, какие здесь все же бывают, ученики мерзнут в классах.

В некоторых классах шел урок, и я заглянул в щелку двери, чтобы не вызывать сенсации и не мешать. Ученики в европейских мундирчиках с блестящими пуговицами чинно сидели и списывали заковыристые иероглифы, нарисованные на доске учителем.

В школе оказался не плохой физический кабинет, оборудованный дешевыми японскими приборами, частью самодельными. Имелась и крохотная химическая лаборатория. Естественно-исторический музей школы оказался, однако, далеко не на высоте. Он занимает довольно просторную комнату, заставленную шкафами со стеклянными дверцами, но чучела зверей и птиц и препараты в спирту рыб, пресмыкающихся и разных морских животных были в ужасном состоянии. Очевидно, они перебывали поочередно в руках у многих поколений школьников, и многие представляли собою жалкие остатки, попорченные также молью и другими вредителями. Все же я нашел там не мало интересных объектов, в том числе и обтрепанную «голубую птицу» и изъеденного молью «черного зайца».

Поблагодарив любезных педагогов, мы отправились в другое учреждение, имеющее уже научное или, вернее, научно-прикладное значение. Это была экспериментальная сельскохозяйственная станция Назе. Она располагается на окраине города и занимает несколько десятков десятин земли по склонам холмов и в долинке. Нас и здесь приняли радушно директор станции и его помощник. Станционное бюро оказалось оборудованным по-европейски. В нем нашелся даже стол, покрытый зеленым сукном, и стулья. Нас усадили и угощали чаем, конечно, японским, без сахара, из маленьких чашечек.

В беседе постепенно выяснилась в общих чертах деятельность станции. Основа всей сельскохозяйственной жизни острова — культура сахарного тростника, но дело это на Амами-Ошима еще новое. Сахарный тростник стали разводить здесь лишь за последние десятилетия, и климатические условия острова оказываются не совсем благоприятными для этой чисто тропической культуры. Зимние температуры все же слишком низки, выпадает очень много осадков, много и пасмурных дней. Все это отражается на росте тростника и на количестве сахара, даваемого им. Делаются опыты подбора различных пород тростника, которые лучше бы выдерживали условия Амами-Ошимы. Некоторое улучшение таким путем достигнуто. Обыкновенно количество сахара составляет 7—17% по весу тростника. Все же с Формозой и Явой ни Амами-Ошима ни Окинава конкурировать не могут.

Сам по себе сахарный тростник — растение очень выгодное и требующее мало ухода. Его разводят черенками, которые прямо втыкают в

перепаханную землю. Уже в первый год получается осенью сбор сахара, но небольшой. На второй год сбор наибольший, на третий же год тростник дает опять меньше сахара, и его окончательно выкорчевывают и поле перепаживают. Несмотря на то, что по внешности сахарный тростник чрезвычайно напоминает наш камыш, он не требует особенно большого количества влаги, и заливать плантации водою, как рисовые поля, не приходится. Станция вся окружена этими замечательными полями высокого тростника, — он значительно выше человеческого роста. Пройти по такому полю невозможно, так густо разрастается тростник. Надо сказать, что куски тростника всюду в лавках и на базаре продаются, как лакомство. Из них выковыривают сердцевину и сосут ее, — она сладка, но не может быть названа вкусной.

Рис. 6. Сахарный тростник на опытной станции в Назе.

Показали нам и все приспособления для обработки тростника. На станции собрана целая коллекция машин, начиная от самых примитивных деревянных мялок и дробилок до усовершенствованных, приводимых в действие электромотором. Тростник дробится, сок из него выжимается и течет в чаны. Затем он переваривается с известью, сгущается в бурую массу, которая затем перекристаллизовывается и превращается в бурый сахар, по внешнему виду скорее напоминающий шоколад. В таком виде сахар и вывозится. На островах он таким употребляется и в пищу, в Японии же поступает на рафинадные заводы.

Делаются опыты на станции и с другими культурными растениями тропиков. Так, пытались разводить здесь кофе, но он не доходит. Разводили также ароурут, тапиок, капок, дающий волокно, но пока тоже без особого успеха. Повидимому, все эти тропические культуры встречают непреодолимое препятствие в климатических условиях острова.

Нам показали, между прочим, и растущее на станции превосходное хлебное дерево, вывезенное из Индии. Развесистое дерево с огромными

листьями и интересными почками, которые торчат в виде свечек, но «хлебов» оно, к сожалению, также не приносит, — плоды его не созревают: они появляются в сентябре-октябре, но их застает затем холодное для тропического дерева время года, и они опадают, не достигнув состояния «хлеба».

Больше шансов на развитие на острове шелководства. Оно было здесь раньше широко развито, но с переходом власти к Сацумским даймио, которые сами культивировали у себя в окрестностях Кагошимы разведение шелковичного червя, жителям Амами-Ошима было запрещено заниматься этим делом, чтобы не конкурировать со своими властителями и не сбивать цен на шелк. Поэтому сейчас на острове совсем ненормальная постановка дела. Главная доходная статья его жителей, особенно горожан, — тканье кустарным способом шелковых тканей «магоши», употребляемых для богатых кимоно. Этими тканями славится Амами-Ошима, и, как мне позднее пришлось самому убедиться, они достигают здесь действительно замечательного совершенства. Между тем, шелк для их изготовления приходится доставлять из южной и центральной Японии. В настоящее время правительство озабочено восстановлением шелководства на острове. Тутовое дерево прекрасно произрастает здесь, — на станции мы видели превосходные экземпляры, шелковичные черви тоже свободно переносят климат, но остановка за недостатком кредита для этого дела. Чтобы вырастить тутовые деревья и развести червей, надо в течение года производить затраты, не получая никакого дохода, а это доступно на острове лишь для очень немногих...

— Жители наши все очень бедны, — говорил директор станции. — Рис здесь почти не разводится, — для него нет подходящих условий... Приходится питаться привозным рисом, а это большинству не по карману... Вот, вы увидите, в селениях подальше от города все жители питаются, главным образом, бататами... Рис у них редкое праздничное кушанье...

— А какие у вас вредители ваших культур? — поинтересовался я, как зоолог.

— На этот счет у нас довольно благополучно. Вот только клоп один травяной вредит сахарному тростнику, — он нападает на его молодые побеги, прокалывает их и высасывает сладкий сок. Да вот крысы еще нередко производят опустошения на плантациях...

— Какие крысы, обыкновенные?

— Нет, у нас особые, рыжие...

Я попросил, конечно, поймать мне такую крысу для коллекции, и на следующий день директор прислал мне двух живых хорошеньких зверьков, с ярко рыжею шерстью, размерами несколько меньше обыкновенной крысы. Это была очень редкая в музеях форма *Rattus coxingi*, крыса, водящаяся исключительно на Амами-Ошима и не встречаемая нигде более.

Во время прогулки по саду станции я сделал еще одну интересную для себя находку. Отвернув валявшийся на земле чурбан, чтобы посмотреть, нет ли под ним насекомых, я заметил какое-то шевелящееся довольно крупное существо с клешнями и длинным щетинковидным хвостом. Это был представитель особой тропической группы паукообразных — так называемых телифонов. Мне впервые пришлось видеть живого телифона, и я стал с любопытством его разглядывать, но как только я взял его в руки, так тотчас же принужден был бросить на землю, — так отвратительно воняло это животное. Мне долго пришлось потом мыть руки, чтобы освободить их от омерзительного трупного запаха. Все же, конечно, и эта находка отправилась в банку, которую мне дали на станции.

Любезные хозяева показали нам все свои владения, — небольшой музейчик всяких продуктов и образцов культурных растений, над которыми работает станция, химическую лабораторию, где производятся

анализы почв и продуктов, просторную аудиторию, в которой читаются агрономические курсы для учеников, кончивших местные школы. Подарили на память и свои произведения, — увы! ничего не говорящие ни уму ни сердцу, так как они написаны иероглифами...

Мы распростились с агрономами и направились в город...

— Что бы мне вам еще интересного показать? — говорит мой спутник. — Да, вот не хотите ли посмотреть еще наш змеятник?

— Змеятник? Что вы под этим понимаете?

— Да, видите, у нас на острове очень много ядовитых змей — «хабу»... Это у нас настоящее бедствие. Ежегодно бывает несколько десятков смертей от укуса змеями... Теперь у нас ведется регулярная борьба со змеями. За голову убитой «хабу» правительство платит 50 сен, а за живую — 2 иены.

— Но зачем же ловить живых?

— Их содержат в змеятнике и от времени до времени выдавливают яд. Его отправляют в Токио, и там готовят противозмеиную сыворотку. Если ее впрыснуть не слишком поздно, вскоре после укуса, удастся спасти от смерти, и дело обходится сильными болями и временным параличом...

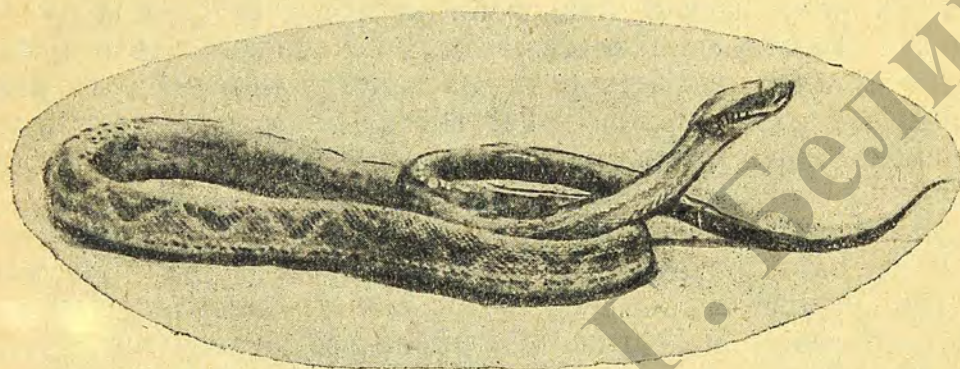

Рис. 7. Змея «хабу» (*Trimeresurus flavoviridis*).

Мы отправились в змеятник, который оказался небольшим домиком с довольно просторной комнатой, где в клетках из проволоочной сетки содержались огромные, золоти-

стозеленоватые змеи. Это также особый лиукийский вид — *Trimeresurus flavoviridis* из гадюковых. Змеи лежали, свернувшись клубком, лениво щурили свои узкие злые глазки и едва двигались. Зима сказывалась на всем их поведении...

— Теперь от них и яда много не получишь, — рассказывал нам помощник заведующего змеятником, пожилой японец (самого заведующего не было дома). — Зато летом они много дают!..

Он продемонстрировал нам, как вытаскивается змея из клетки и как пинцетом выдавливается из ее зубов яд в стеклянную трубочку с соблюдением всяких асептических предосторожностей. Трубочки затем запаиваются и отсылаются в Токио, в специальную лабораторию, изготавливающую противозмеиную сыворотку...

— У нас есть специалисты охотники за змеями, — рассказывал японец. — Много денег зарабатывают...

Позднее мне пришлось видеть такого охотника¹, и он мне показывал, как ловит змей, — просто палочкой с расщепом или с петлей на конце. Удивительнее всего, что он гуляет по лесу при своем опасном занятии в кимоно и в гетах (сандалиях), голоногий, — лишь ловкость и проворство защищают его от укуса ядовитых гадюк...

Было уже поздно, когда я вернулся в свой «отель». Я распростился со своим любезным провожатым, и мы уговорились, что на следующий день мы отправимся с ним в одну из соседних деревень, где он должен был навестить какую-то больную прихожанку...

¹ См. рисунок на обложке.

III.

В Лиукийской деревне.

«Почтенная ванна». — В Коминато. — На коралловых зарослях. — В Дайкуме. — Колдуны и колдуньи. — Сумасшедший. — Ловля рыбы. — На могиле японского героя. — Экскурсия по берегу моря.

Я крепко спал на мягком матрасике на полу комнаты, под теплым «фтонгом» (ватным одеялом) и под москитником. Как это ни странно, но здесь, несмотря на зимнее время и на замирание всей жизни насекомых, были комары, которых японцы очень не любят. Поэтому над моей постелью каждый вечер раскидывался в виде шатра москитник из зеленого газа.

Проснулся я от того, что с шумом раздвинулась одна из бумажных стен моей комнаты, и в ней показалась — стоящая на коленях, конечно, — фигура дочери хозяйки. Ей выпала честь прислуживать именитому заморскому гостю, а накануне я просил разбудить себя пораньше...

— Охайо, данна-сан! Року-джи, данна-сан! (доброе утро, господин, шесть часов).

Я спросил, готова ли «о-фуру» (ванна, приставка «о» означает «почтенная»). Оказалось, сейчас будет готова. С этой «почтенной ванной» у меня вышла обыкновенная в Японии история. В первый же день по приезде меня вечером очень любезно пригласили принять «о-фуру». Будучи уже стреляным воробьем, я отправился сперва посмотреть, насколько эта «фуру» почтенна. В маленькой закуточке в конце террасы я нашел низенькую печку и вмазанный в нее огромный чугунный котел, полный горячей, почти кипящей воды, притом воды очень сомнительного достоинства. Она скорее походила на суп, в котором плавало что-то вроде потрохов...

Было совершенно ясно, что в этом бульоне проварились уже по очереди все обитатели отеля!

Я позвал хозяина, объяснил ему, что ванна для меня слишком горяча и что вода грязная, и велел приготовить мне ванну утром из чистой воды, чтобы купаться первым номером. Конечно, котел, вероятно, никогда не мылся, и я сильно сомневаюсь, чтобы вода из него до конца вычерпывалась, но, по крайней мере, все же в ней не плавали какие-то перья, и температуру можно было получить по желанию...

Поварившись немного в котле, наподобие грешника в аду, затем позавтракав и напившись японского чаю, я собрался в путь и отправился в миссию. Там я застал моего спутника тоже уже готовым.

Путь наш лежал через горы, так как деревня Коминато, куда мы направлялись, находится на восточном берегу островов в долинке, окруженной отрогами главного хребта, тянущегося вдоль острова. По превосходно разработанной, гладкой и хорошо укатанной дороге мы

постепенно и безо всякого труда поднимались на хребтик, разграничивающий долины. Дороги здесь на Амами-Ошима, как и на главных островах Японии, превосходны и невольно возбуждают зависть у человека, хорошо знакомого с нашими русскими дорогами. И нельзя сказать, чтобы хорошее их состояние зависело только от свойств почвы и климатических условий. Почва здесь глинистая, наносная, а ливни бывают такие, что дороги размываются совершенно. Но на поддержание их в порядке обращено большое внимание, дорогу постоянно чинят и укатывают. Мы по пути в нескольких местах застали рабочих за этим занятием.

Погода, на наше счастье, была очаровательная. Солнце ярко светило, но жары не было. Беседуя об островах и их обитателях, мы незаметно поднимались в гору и, наконец, оказались на перевале, с которого открывался превосходный вид на долину Назе. По склонам виднелись поля, внизу, где возможно орошение, рисовые, выше — плантации сахарного тростника, бататов и проса. По краям почти каждое поле обсажено невысокими пальмами-саговниками — «сотецу»¹, образующими как бы темнозеленую рамку.

— Для чего сажаются эти пальмы? — спросил я своего спутника.

— Сотецу у нас очень полезное растение. Плоды их, мясистые орехи с мягкой кожурой, нельзя так прямо употреблять в пищу. Они вредны, содержат синильную кислоту. Однако, их особым образом обрабатывают, вываривают, сушат; тогда они утрачивают свои вредные свойства и являются довольно питательными. Кроме того и внутренность ствола пальмы мучниста и дает питательное саго при надлежащей обработке. Наконец, сами пальмы служат предметом экспорта.

— Зачем же их вывозят? Кому они нужны?

— Их огромные листья срезают, высушивают, связывают в пучки. Этим занимается целый ряд скупщиков, которые затем грузят их на пароход и отправляют отсюда через Японию в Гамбург. Там их обрабатывают, подкрашивают в зеленый цвет и употребляют для венков и для украшения гробов. Спрос на них большой, так как ни одни приличные похороны не обходятся без нескольких пальмовых ветвей... За время войны и в первые годы после войны наш остров сделал большие дела пальмами, а затем наступил пальмовый кризис: пальм заготовили большое количество, а спрос на них сразу упал, и многие наши скупщики разорились...

Такое курьезное отражение имела мировая война на этих отдаленных островах, лежащих на краю света!

Мы стали спускаться в долину небольшой речки тенистыми зарослями вечно-зеленых кустарников.

— Здесь летом много змей, — говорит мой спутник. — Вечером особенно надо идти с осторожностью, как бы не наступить на «хабу». А теперь, зимою, они все попрятались.

Как-то плохо вязалась с понятием зимы эта великолепная, теплая, солнечная погода и богатая растительность без единого желтого листа. Но, видно, все в природе относительно...

Перейдя речку по шаткому мостику, мы направились вниз по ее течению к морю. Миновали какую-то деревушку с небольшими хижинами, прячущимися за высокими заборами, из-за них выставляются лишь крутые, островерхие крыши, покрытые соломой...

Но вот показалось и море, и купы огромных деревьев на берегу. В их тени располагается Коминато. Деревья эти были новыми для меня, еще невиданными, типичными представителями тропической растительности: это были различные мангровые деревья, изобилующие на

¹ См. рисунок на обложке, слева.

острове около воды, особенно по морским берегам. Их много видов но, все они с толстыми, корявыми стволами, крупными кожистыми листьями, и у многих ветви свешиваются плетью вниз.

Мы долго бродили по узким улочкам селения среди заборов, в поисках жилища почтового чиновника, к которому вел меня мой спутник. За нами, конечно, сейчас же образовался хвост ребятишек, обрадовавшихся такому редкому зрелищу: сразу целых два европейца!

Наконец, мы отыскивали домик Таэнаори-сана, такой же скромный, островерхий, с маленьким садиком, в тени густых мангровиков. Хозяева были дома и радушно нас встретили, но в дом не пригласили. Мы уселись на узкой верандочке, выходящей в сад, и мой спутник начал вести дипломатические переговоры по всем правилам лиукийских приличий. Мы, собственно говоря, решили, что останемся у них ночевать, так как иначе скоро пришлось бы собираться и в обратный путь, а я хотел сделать еще экскурсию по морю и посмотреть коралловые рифы.

Однако, начинать прямо с сути дела не принято, и мой спутник долго и пространно, не меньше часа, беседовал о самых разнообразных вещах. Он расспрашивал о всех деревенских и семейных новостях, говорил, конечно, и о погоде, сообщил все городские слухи и сплетни и только тогда подошел к делу.

— А не знаете ли, Таэнаори, у кого бы тут можно было остановиться переночевать? Ночь приближается, а мы хотели бы пробить у вас в Коминато и завтрашний день...

Тот ответил как-то уклончиво, а затем пошел, пошептался о чем-то со своей женой и, наконец, пригласил нас войти в дом. Конечно, надо было разуться, а так как мой спутник, как полагается францисканцам, путешествовал в сандалиях на босую ногу, то я имел случай присутствовать при совсем библейской сцене омовения ног, в которой хозяйка принимала деятельное участие.

В домике Таэнаори оказалось чисто и уютно. Мы уселись на мягких циновках, нас угостили чаем, а затем и рисом, что по местному положению является уже признаком достатка и даже роскоши.

Моему спутнику надо было посетить еще несколько прихожан, я же попросил хозяина подыскать мне двух рыбаков, которые свезли бы меня на лодочке к коралловым рифам, закрывающим залив, и показали бы, как ловят рыбу. Он без особого труда нашел двух рослых парней, которые пригласили меня в свою длинную, пирогаобразную долбежку.

Мы отправились по заливу, гладкому как озеро. Под ударами коротких весел лодка медленно скользила по поверхности моря. Я вглядывался в дно и не мог оторвать глаз от очаровательного ландшафта коралловых зарослей. Желтые, оранжевые, бурые и фиолетовые коралловые кусты покрывали дно. Между ними мелькали пестрые коралловые рыбки. Местами видны были обширные скопления морских ежей, огромные звезды, оранжевые с синими пятнами, длинные червеобразные голотурии.

Позднее, на Окинаве, я убедился в том, что коралловые ландшафты дна, виденные в Коминато, представляют собою слабое подобие настоящих коралловых зарослей. Здесь коралловые рифы находятся на самой северной своей границе, условия для их развития уже неблагоприятны, и кусты кораллов мелки и редки... И все же зрелище морского дна, заросшего полипниками и изобилующего сопровождающею их жизнью, очаровательно... Можно, кажется, любоваться им до бесконечности...

Мои рыбаки также внимательно осматривали дно, но не с эстетической точки зрения, — они высматривали «тако» — осьминога. И вот, наконец, высмотрели. Я, при всем желании его увидеть, ничего не мог заметить среди пестрых скал и коралловых ветвей. Но один из моих лиукийцев взял в руки длинную бамбуковую острогу и метким ударом

пронзил прятавшегося в расщелине хищника. Брошенный в лодку, он извивался, выпускал чернила и непрерывно менял цвет своей кожи, то покрываясь светлыми пятнами, то становясь почти черным или бурым. Но это не могло уже его спасти, и скоро он превратился в огромный кусок слизистого мяса.

Мы долго скользили по поверхности небольших заливчиков, огибали торчащие из моря скалы, любовались подводными ландшафтами и охотились на осьминогов. Стало темнеть, когда мы вернулись в деревню. Мой спутник уже ожидал меня у Таэнаори. Скоро был приготовлен и ужин, в меню которого входил жесткий и эластичный, как резина, осьминог из нашей добычи. За чаем мы долго засиделись в разговорах с радушными хозяевами. Затем нам разостлали матрасики, дали фтонги, а под головы мы положили свои сумки. Все в доме и на улице затихло, и мы крепко заснули.

На следующее утро я повторил прогулку по морю и принял участие в ловле рыбы неводом. Каждый заброшенный невод, вытасканный на плоский песчаный берег дюжиной полуголых рыбаков, которым помогал целый сонм ребятшек, обогащал мою коллекцию все новыми и новыми пестрыми, разноцветными коралловыми рыбками. Впоследствии оказалось, что среди них много форм, новых для Лиу-Киу, еще не отмеченных никем на этих островах. Все это были представители настоящего населения тропических морей. Многие из них распространены отсюда вплоть до берегов Мадагаскара. С другой стороны, сюда доходят и обитатели островов Южного Тихого океана, Австралии, Новой Гвинеи и Сандвичевых островов. Амами-Ошима, повидимому, крайний предел распространения многих тропических рыб и других морских животных, сопровождающих коралловые рифы.

Я вернулся довольно поздно в деревню. Мой спутник, не дождавшись меня, уже отправился в Наэ, и мне надо было также собираться в путь. В качестве проводника и носильщика, взялся сопровождать меня один из односельчан Таэнаори. Самому мне трудно было нести тяжелую корзину с приобретенною здесь рыбою. Он, по местному обычаю, распределил груз в две плоские круглые корзинки, подвешенные к коромыслу, перекинутому через плечо.

Мы распростились с любезными хозяевами. Я поручил Таэнаори собрать для меня разных рыб, оставил ему деньги, и он впоследствии в несколько приемов присылал мне рыб в Наэ, среди которых было много интересных форм.

Мы направились в Наэ более коротким путем, чем пришли оттуда: поднялись прямо от Коминато тропинкою среди густого леса, на хребтик, служащий водоразделом. Когда мы достигли вершины хребта, то могли с нее любоваться уже заходом солнца, и как только оно закатилось, через какие-нибудь десять минут настала совершенная тьма. К счастью, мы скоро выбрались на большую дорогу; к тому же у меня был карманный электрический фонарик, купленный в Токио за одну иену, — он оказал мне тут большую услугу: в сомнительных местах я нажимал пуговку, и тонкий луч света прорезал густую тьму, в которой нам пришлось двигаться.

Мы благополучно спустились с гор и добрались до Наэ.

На следующий день мне представился случай побывать в другой лиукийской деревне — Дайкума, расположенной всего в 5 км по тому самому заливу, в глубине которого стоит Наэ. Туда отправлялся один из миссионеров и пригласил меня сопутствовать ему.

Дорога по восточному берегу залива живописно вилась карнизом, над самым морем. Местами открывался чудесный вид на залив, разбросанные на нем островки и лесистые склоны противоположного берега.

В разговорах мы незаметно дошли до небольшого бокового залива и увидели на другой стороне его Дайкуму. Это довольно крупное селение, в нем 800 жителей, занимающихся преимущественно рыболовством, а также земледелием. Хижины, такие же островерхие, как в Коминато, мало походят на японские, — скорее они напоминают малайские или полинезийские.

Когда мы подходили к деревне, спутник обратил мое внимание на то, что дорожка, по которой мы шли, чисто-начисто выметена, а сбоку от дороги поднимается скала, и на ней расположено несколько гладко отшлифованных круглых камней.

— Смотрите, это путь Великого Духа! Здесь наш деревенский колдун совершает ежедневно свои заклинания. Ведь знаете, жители здесь большею частью еще настоящие язычники, шаманисты. Они верят в добрых и злых духов, в духа покровителя селения, в колдунов и колдуний. Буддийские бонзы лишь сравнительно недавно начали на островах свою проповедь и не имеют особенного успеха. Здесь сейчас больше христиан-католиков, чем буддистов, но большинство — язычники. И вот ежедневно колдун метет здесь дорогу, расчищая путь к селению Великого Духа, покровителя Дайкумы...

Я с любопытством рассматривал священный камень, обиталище Великого Духа. На меня повеяло экзотикой, настоящей, неприкрашенной... И как бы для того, чтобы усилить это впечатление, как только мы вошли в узкие улочки деревни, нам навстречу показалась странная процессия. Впереди шла пожилая женщина, одетая вся в белом, с белой повязкой на голове. Она подплясывала и пела с гортанными выкриками и завываниями. За ней следом скакала и прыгала толпа ребятшек, и тянулось несколько старух. Процессия была так занята своим делом, что не обратила никакого внимания даже на такое необыкновенное событие, как появление европейцев.

— Это наша колдунья совершает свой ритуальный обход деревни, — говорит мой спутник. — Сегодня новолуние, и деревню надо очистить от злых духов... Видите, как она занята, даже на меня не посмотрела и не поздоровалась. А она наша ближайшая соседка, ее дом рядом с церковью, и мы с ней не ссоримся... Она даже у меня бывает... А вот главный колдун здешний, тот нас не любит и избегает встречаться. Он сидит теперь, наверное, дома и не показывается. Вот, смотрите, его дом...

Небольшой домик, с крутою крышею, прятался, как и другие дома деревни, за высоким бамбуковым плетнем. Вход был загорожен двумя перекрещивающимися бамбуковыми палками, — это значило, что войти туда нельзя. Перед домом был небольшой садик, украшенный круглыми и овальными камнями, уложенными в кучи. Кусты и деревца были увешаны какими-то тряпочками, бумажками, бутылками, раковинками. Висел

Рис. 8. Лиукийская амбарушка, по типу полинезийских.

глиняный кувшинчик, блестящий металлический шарик и...резиновый баллончик от клистира!

— Довольно странные предметы культа!— сказал я своему спутнику.

— Да, вы знаете, у него в голове не все в порядке... Впрочем, дела колдунов теперь вообще идут плохо. С одной стороны, японские власти притесняют, обвиняют в шарлатанстве, с другой—и в населении подорвана вера в колдунов... Один из них даже пришел ко мне поговорить о том, нельзя ли перейти в христианство. Но когда я сказал, что ему придется года полтора учиться и подготовляться, он передумал...

Мы шли по узким улочкам среди высоких заборов, бамбуковых, деревянных или каменных. Дома из-за них выдаются лишь своими высокими крутыми крышами. Они окружены разными хозяйственными пристройками. Особенно экзотический вид имеют своеобразные лиукийские амбарушки для хранения зерна и других продуктов. Это настоящие «избушки на курьих ножках» из русских сказок: на четырех высоких столбах находится закрытое со всех сторон помещение — «без окон и без дверей» — с высокою крышею. Целый ряд таких амбарушек стоит на площади среди селения, где в то же время и старинное кладбище с каменными памятниками, в виде вертикально поставленных плит и колонок.

Жители встречали нас приветливо. Мой спутник был здесь свой человек и, повидимому, пользовался любовью и уважением населения. Моя персона, конечно, возбуждала всеобщее любопытство и интерес, но даже ребятишки не обнаруживали никакого страха, и скоро за нами тянулась уже целая вереница их.

Селение было большое, и мы не сразу добрались до его центральной части, где притаилась среди высоких камфарных деревьев деревянная католическая церковь. Мой спутник устроил меня там очень удобно в сторожке и распростился со мной, так как ему надо было посетить соседние деревни. Он оставил меня на попечение сторожа, носившего экзотическое имя Ао. К сожалению, тот говорил только по-японски, и потому объясняться с ним мне было довольно трудно.

Все же, при посредстве Ао, я завел переговоры с местными рыбаками относительно экскурсии по заливу. Мы уговорились отправиться после обеда, но поднялся сильный ветер, пошел дождь, и экскурсия моя не состоялась. Как только немного прояснило, я пошел побродить по селению и его ближайшим окрестностям и поднялся на соседнюю гору. С нее открывается превосходный вид на залив Дайкумы, являющийся боковым ответвлением залива Назе. Видна речка, образующая долину, сплошь занятую полями и плантациями сахарного тростника. Уступы гор также все распаханы, но не такими террасами, как в Японии, так как рис культивируется здесь лишь внизу, в долине, и в небольшом количестве. Края полей и здесь обрамлены невысокими, темнозелеными пальмами-саговниками «сотецу», этими будущими украшениями европейских гробов.

Вернувшись домой в свою церковную сторожку, я застал на дворе двух старух, зачем-то пришедших к Ао. Они дали мне возможность познакомиться еще с одной экзотической чертой местного населения, — их руки были покрыты затейливой синей татуировкой. Я знал уже об этой особенности и не раз видел мельком в Назе старых женщин с нататуированными руками, но тут мне удалось не только во всех подробностях рассмотреть татуировку, но и зарисовать ее.

Первая старуха, к которой я обратился с просьбою показать мне поближе ее украшение, конечно, испугалась и не решалась предоставить свои руки в мое ведение. Японский полтинник быстро разрешил, однако, все сомнения. Она спокойно уселась и с любопытством наблюдала, как

я зарисовывал. Узор почти полностью соответствовал одному из рисунков, приводимых немецким путешественником по Лиу-Киу, доктором Симоном. Он назывался «черепаха», и на самом деле, на тыльной стороне ладони имелся рисунок, напоминавший разводы черепахового щита.

Со второй старухой дело пошло уже легче, а затем вскоре явилась и третья, которая уже сама предложила нарисовать ее руки. На следующий день пришли и еще кандидатки, и если бы я пробыл в селении дольше, мне, несомненно, пришлось бы перерисовать руки всех старух!

Обычай татуировки—уже вымирающий, вернее, даже вымерший обычай. Молодое поколение, под влиянием японцев, отвергает этот способ украшения своей особы, и татуировку можно видеть только на руках у женщин не моложе 40—50 лет. Мужчины же, повидимому, и в прежние

Рис. 9. Татуировка руки женщины на Амами - Ошимае. Узор «черепаха».

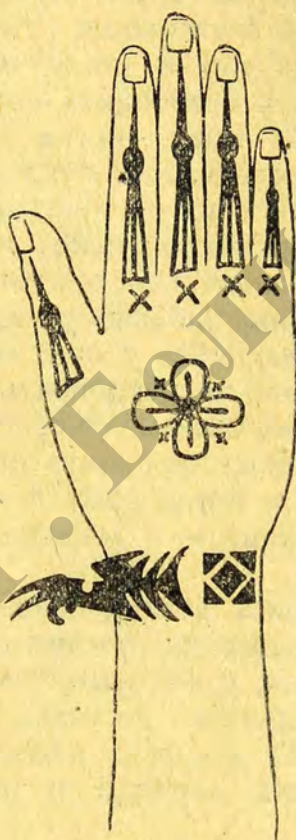

Рис. 10. Татуировка руки женщины на Амами - Ошимае. Узор «цветок».

времена не татуировались,— по крайней мере на это нет указаний путешественников. Не подлежит сомнению, что, наравне с формой жилищ и кладовушек, с узорами лиукийских тканей и со множеством мелких деталей в жизненном укладе, татуировка свидетельствует, что предки лиукийцев пришли с юга, с островов Южного Тихого океана.

Но вот стемнело, и я остался один в крохотной японской комнатке и стал записывать свои впечатления при свете стеариновой свечи, захваченной с собою. В селении все мало-по-малу стихло, лишь из соседнего дома неслись заунывные звуки пения колдуньи, все еще управлявшей новолуние. Вдруг среди ночной тишины раздались какие-то дикие крики, несшиеся из другого дома неподалеку. Слышалась, то как будто военная команда, то быстро-быстро кто-то начинал произносить по-японски какую-то бесконечную тираду, которая затем переходила в рев и крик отчаянья.

Ао не спал еще и долго старался мне объяснить и по-лиукийски и по-японски, в чем дело. Наконец, я его понял,— это был сумасшедший...

Как я потом узнал, он был солдатом на русско-японской войне и помещался от ужасов войны... Судьба свела меня здесь, на краю света, с одной из несчастных жертв этой нелепой, когда-то нами затеянной войны...

На следующий день, утром, я улучил момент, когда никого не было поблизости, и заглянул в соседнюю хижину, из которой неслись дикие звуки. Я увидел там косматого, грязного человека в рубище, сидевшего в большой, сделанной из толстого бамбука и окованной железом клетке...

Погода была тихая и солнечная. Рыбаки зашли за мной, и мы отправились на длинной, узкой долбежке, настоящей пироге, удить рыбу в заливе. Удочки наши были очень примитивны: на длинной нитке прикреплен крючок, который наживлялся червем или креветкой. Затем над крючком делалась петля, которую легко можно было распустить, и в петлю эту вкладывался и затягивался камешек вместо грузила. В таком виде удочка опускалась на дно, и когда чувствовалось, что камень достиг дна, надо было дернуть и освободить ее от груза. Затем оставалось только слегка подергивать и ждать, когда какая-нибудь рыбка схватит приманку, что сейчас же чувствовалось рукой. Мои спутники почти без перерыва таскали пестрых рыбок одну за другою. Я был менее удачлив, но все же поймал несколько морских окуньков и «морских собак» (*Spheroides sceleratus*), которые оказались впоследствии новым для Лиу-Киу видом. Последние, будучи пойманы, забавно урчали и раздувались в шарик, набирая воздух в особый, имеющийся у них, воздушный мешок.

Я отправился пособирать животных по берегам, на отливе, но оказалось, что уже было поздно, наступил прилив, и все отмели и камни были залиты. Пришлось отложить береговую экскурсию до следующего утра. Вместо того я, после рыбной ловли, превосходно выкупался и вволю поплавал по заливу, — в декабре месяце мне этим заниматься еще не приходилось.

Вернувшись домой, повозившись с собранным материалом и пообедав, я отправился на сухопутную экскурсию, прихватив с собой нескольких ребятишек, с которыми свел дружбу. Мы вышли за деревню, в поля, и занялись ловлею лягушек, пестрых краснобрюхих тритонов, мелких рыбок, стрекоз и других насекомых. Мои юные помощники с увлечением лазали по всем канавам и наполняли мои банки и жестянки всякою живностью.

Мы незаметно дошли до соседней деревни Ураками и встретили там нашего миссионера. Он предложил мне посмотреть местную достопримечательность, могилу японского героя Таира Аймори. Мы поднялись с ним по красивой дорожке среди густой рощи к маленькому деревянному шинтоистскому храму, поставленному в память героя, а оттуда по крутой тропинке поднялись еще выше, на вершину горы. Здесь, среди высоких тенистых деревьев, стоял памятный камень с надписью. Тут же находилась и огромная четырехсотлетняя сосна, которую, будто бы, посадил сам Таира. Это был японский полководец, завоевавший Амами-Ошиму и, как утверждают, по крайней мере, японцы, «освободивший местное население от власти их собственных князей, которые-де их притесняли и не позволяли им возделывать рис». Сейчас, впрочем, этот памятник пользуется большим уважением и у местного населения.

Мы посидели в тени густых многовековых деревьев среди полной тиши. Обстановка навевала грусть и возбуждала мысли о вечности и о бренности всего земного...

На следующее утро мне пришлось пораньше встать, чтобы отправиться на отлив. Рыбаки уже ждали меня и доставили в ту часть залива, которая казалась мне интересною. Здесь, на покрытом камнями берегу, при полном отливе, было много луж, в которых я нашел обильную лит-

торальную (прибрежную) фауну. Морские ежи и звезды, темнофиолетовые офиуры с длинными мохнатыми лучами, многочисленные и разнообразные моллюски, в том числе и хитоны, были добыты мною здесь в лужах и под камнями. Яркооранжевые актинии, распустившиеся как цветки, украшали лужи, всюду сновали крабы и отшельники, встречались и голотурии. Вообще, после некоторых поисков, жизнь оказалась довольно богатой, хотя, на первый взгляд, получалось такое впечатление, будто животных очень мало, — так умело они прятались в разных расщелинах и под камнями. При обилии здесь всяких хищников, хотя бы из крабов, неудивительно, впрочем, что приходится скрываться...

Набрав полные банки интереснейшего материала, я принялся еще раз удить с рыбаками рыбу. Во время этого занятия вдруг на поверхности воды стало заметно какое-то странное змееобразное движение; вглядываясь ближе и сразу узнаю по желтым и темным кольцам на теле морскую змею (*Platurus*), характерную представительницу тропической фауны. Я жестами и словами приглашал рыбаков поймать мне это пресмыкающееся, но они в ужасе замахали руками и начали грести в обратном направлении. Морские змеи очень ядовиты, но, как я позднее узнал, их все же ловят, и это составляет даже некоторый особый промысел.

Вернувшись в Дайкуму, я принялся за сборы в обратный путь. Время шло, а главная моя задача — побывать в девственном лесу Амами-Ошими — оставалась все еще нерешенной. Надо было торопиться.

Рыбаки предложили доставить меня со всеми моими довольно громоздкими банками и склянками на лодке в Назе. Я охотно согласился и без особых приключений добрался до города; часа через два я был уже «у себя дома» — в отеле Сухиро.

IV.

В девственном лесу.

Сборы. — В «дидоше» по восточному берегу. — Электрическая станция. — Девственный лес. — «Рури-какесу». — Зимняя фауна. — Охотники. — «Черный заяц». — Возвращение.

Я вернулся в Назе как раз во-время. В тот же день ко мне явился в гостиницу тот самый полицейский чин, который навещал меня ранее, и с поклонами и любезными улыбками передал мне телеграмму из Токио, в которой мне разрешалось убить 5 «черных зайцев» и 10 «рури-какесу». Главное препятствие, следовательно, было преодолено, и я мог приняться за приготовления к экскурсии внутрь острова.

Конечно, первым делом пришлось идти советоваться с миссионерами, и они и в этом случае помогли мне устроиться наилучшим образом. Они сейчас же познакомили меня с главным инженером электрической станции, освещающей Назе, Манабе, и тот пригласил меня поселиться на станции. Станция эта находится в 40 км от Назе, в горном ущельи, в совершенно дикой, лесистой местности, где превосходно можно было ознакомиться с природою девственного леса Амами-Ошимы. Вместе с тем на станции можно было более или менее удобно устроиться.

Далее возникал вопрос об охотнике. Сам я не захватил с собою в Японию ружья, да и теперь не предполагал охотиться, так как думал заняться главным образом собиранием насекомых и растений. К счастью, скоро нашелся и охотник, — местный житель Накагава. Он был раньше лесником на Формозе, выслужил пенсию и теперь не был ничем особенным занят. Меня с ним познакомили, я довольно легко и быстро с ним договорился. Он ехал на мой счет и на моем иждивении и получал небольшую сумму денег, за что обязывался стрелять для меня птиц. Препарировать он не умел, и этим делом пришлось заниматься уже мне самому.

Таким образом, в течение одного дня, совсем по-американски, мне удалось подготовить экскурсию в девственный лес.

На следующее утро мы должны были уже выехать. Сообщение с электрической станцией оказалось также довольно удобным. Вдоль всего острова, по восточному его берегу, проложена автомобильная дорога, соединяющая город Назе с Кония, другим крупным населенным пунктом, находящимся на южной оконечности острова. Ежедневно отходит автомобиль из Назе в Кония, берущий пассажиров как до конечного, так и до промежуточных пунктов. От места остановки этого автомобиля, в деревне Нишинакама, до электрической станции не больше 3 км пути пешком.

В 8 часов утра мы встретились с Накагавой у бюро компании автомобилей. Автомобиль, или, по местному, «дидоша», уже стоял на улице в ожидании пассажиров; около него хлопотал японец шофер. «Дидоша» оказалась печального образа, — ободранная, обтрепанная, заплатанная,

перевязанная где проволокой, где веревочками, она не внушала никакого доверия, — видно, сюда на далекую окраину попал ветеран, выдавший виды, да и здесь потерпел не мало.

Скоро подошли еще три пассажира — японца, и мы с трудом втиснулись в эту ломаную посудину. Когда, после бесконечных приготовлений, мы наконец тронулись, «дидоша» наша так скрипела и дребезжала на каждом неровном месте, что, казалось, вот-вот она развалится.

День был чудный, солнечный. Сперва мы ехали по знакомой уже дороге на Коминато, но, не заезжая в эту деревню, мы направились далее на юг. Путь все время шел по восточному берегу острова, вдоль главного хребта, тянувшегося вдоль острова. Дорога большею частью проложена карнизом над крутым обрывом, спускающимся с огромной высоты прямо к морю; при этом местами приходится пересекать боковые отроги хребта и подниматься на перевалы в 300—350 м над морем.

Виды открывались один другого лучше. Бесконечно расстилается вдаль темноглубой океан, отвесные скалы спускаются стеною, расступаясь и давая место живописным заливам с зелеными полями и плантациями и с уютными деревеньками, пристроившимися где-нибудь у небольшой, сбегаящей с гор речки... Временами мы проезжали ущелья с густыми зарослями тропического леса. Из вечно-зеленых кустов поднимались стройные пальмы и древовидные папоротники с ажурными кронами.

Рис. 11. Девственный лес на Амами-Ошима. Видны древовидные папоротники.

Все было бы хорошо, если бы не портила настроения наша «дидоша». На сколько-нибудь крутых подъемах машина не брала, пыхтела и трещала. Помощнику шофера приходилось выскакивать и подкладывать под задние колеса камни... Когда же на перевале приходилось делать крутой заворот, то тут уже дело становилось совсем плохо: на краю обрыва мы маневрировали с машиной вперед и назад, так как сразу не могли завернуть... Не мало сердцещипательных моментов пришлось нам пережить и на крутых спусках с заворотами, особенно когда навстречу вдруг показывались тяжелые телеги, запряженные быками. На одну из таких телег мы в конце концов все-таки налетели, но дело и тут кончилось счастливо — поломали слегка телегу и помяли чемодан одного из японцев... Приходилось прямо преклоняться перед искусством нашего шофера, умело обходившего все препятствия и, в конце концов, благополучно доставившего нас на этой рассыпающейся на составные части «дидоше» в деревню Нишинакама... Когда мы встали на твердую землю, то почувствовали некоторое облегчение.

В Нишинакаме нас встретил служащий станции. При его содействии мы наняли двух женщин нести наш багаж, не очень тяжелый, но громоздкий, так как главную часть его составляли мои банки и бумага для сушки растений. Носильщицы приспособили груз за спины, но при этом подхватили его широкой плетеной тесьмой, которая охватывала лоб, —

удивительный способ носки, практикующийся часто на островах Лиу-Киу и, вероятно, также пришедший из Полинезии. Кстати, такой же способ применяется у айнов на Сахалине.

Только что мы вышли из деревни, как в первом же перелеске нас встретила своим отвратительным каркающим криком «рури-какесу». Птица эта, близкая родственница нашей сойки, очень красива. Ее красное с синим оперение столь изящно, что раньше она пользовалась большим спросом для дамских шляпок, и за истребление ее принялись так

усердно, что едва совсем не перевели.

Меньше, чем через час, мы подходили к нескольким домикам, приютившимся у входа в ущелье, — это были жилища служащих электрической станции. Сама станция находится уже в ущельи, на берегу речки, часть воды которой перехвачена выше акведуком.

Мы нашли приют в домике старшего механика Яцуки, который принял нас чрезвычайно любезно и уступил нам большую комнату в своем доме, перебравшись с женою в маленькую комнатку рядом. Домик его обычного японского типа, и устроились мы в нем не плохо. Трудно только было работать: пре-

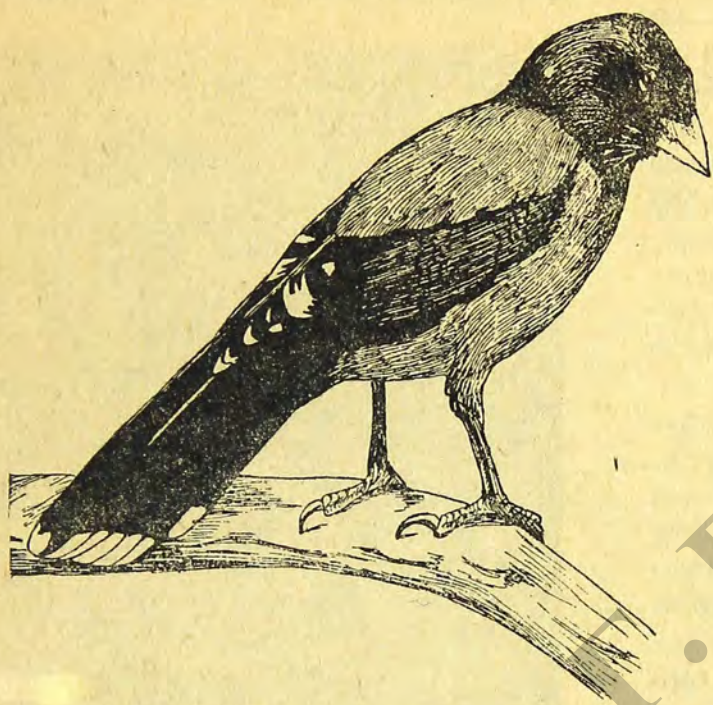

Рис. 12. «Рури-какесу» (*Lalocitta lidtii*). Лиукийская сойка.

паровать птиц, возиться с растениями и насекомыми приходилось на узенькой верандочке, выходящей в сад, чтобы не сорить в комнате и не пачкать чистых татами (цыновок).

Устроившись на новоселье, я тотчас же отправился осматривать окрестности, а Накагава взял свою двустволку и пошел на охоту, благо погода была еще сносная. Небо, однако, начинало затягиваться тучами и стал собираться дождь. Амами-Ошима вообще славится своим обилием осадков. Жители острят, утверждая, что в году бывает 400 дождливых дней. Зимой ветры несут с юга воздух, насыщенный влагою, и здесь он встречается с северными холодными воздушными течениями, так что дожди очень часты и продолжительны, как нам потом пришлось в этом убедиться.

Ближайшие окрестности станции восхитительны. Она, как сказано, расположена у самого входа в ущелье, прорезающее отроги хребта и спускающееся к речке очень крутыми склонами. Склоны эти сплошь заросли густым, непроходимым, лиственным, вечно-зеленым лесом. Был уже декабрь месяц, а лишь очень немногие деревья обнаруживали желтую или красную листву, и еще меньше деревьев стояли голыми. Хвойных пород на склонах не было видно вовсе, — сосновые рощи имелись лишь ниже станции, ближе к морскому берегу.

Прямо над станцией по крутой тропинке можно подняться к резервуару, куда бетонным каналом отведена часть воды из речки, перехваченная выше по ущелью. Из этого резервуара вода по трубе прямо падает на турбину с высоты 60 м, и живая сила ее превращается в электрический ток, питающий город Назе.

От резервуара тропинка идет дальше по ущелью и переходит затем в более широкую дорожку, служащую для вывоза леса. С дорожки этой местами открываются восхитительные виды на ущелье и на водопад, срывающийся с противоположного склона с высоты в 150—200 м и бегущий в реку пенными каскадами. Местами дорожка углубляется в лесную чащу и становится таинственной и мрачной. Шаткие мостики переброшены через ручьи, и кое-где открываются при этом обворожительные боковые ущелья, заросшие буйною тропическою растительностью.

Я сожалел, что мои ботанические познания были недостаточны для того, чтобы разобраться хоть сколько-нибудь в богатейшей флоре ущелья. Из деревьев я мог узнать по желудям какие-то незнакомые мне виды дуба, которые по форме листьев совсем не похожи на дуб, а также камфарные деревья, камелии. По сравнению с лесами Японии, обращало на себя внимание почти полное отсутствие кленов, которые там составляют такой преобладающий элемент древесной растительности. Из типичных представителей тропиков особенно бросались в глаза древовидные папоротники, высокие стройные пальмообразные деревья с пучком перистых ажурных вай на верхушке ствола. Обыкновенные папоротники достигали также огромных размеров и были бесконечно разнообразны; среди них были даже ползучие и вьющиеся папоротники, каких мне никогда не приходилось видеть ранее. Пальмы-саговники и веерные пальмы встречались, но сравнительно редко. Попадались и дикие, а может быть одичавшие бананы, — особый вид, свойственный лиукийским островам.

Вся чаща леса сплошь заплетена различными лианами, толщиной с руку человека и более, и разными другими ползучками, местами образующими густую сеть. Многие из этих ползучих растений колючи, и таким образом лес превращается в совершенно непроходимые джунгли. При первой же своей прогулке я попробовал пробраться через лес в сторону от дороги, по склону горы, но тотчас же принужден был оставить это предприятие. Колючие кустарники и ползучки рвут одежду и руки, а густота зарослей такова, что проникнуть через лес без топора совершенно невозможно. Волей-неволей для экскурсий приходилось пользоваться проложенной дорожкой и имеющимися кое-где тропинками.

Тропический характер лесной растительности придают также многочисленные эпифиты — растения, паразитирующие или просто живущие на стволах деревьев. Густая листва леса пропускает мало света на земную поверхность, и потому травянистым растениям трудно развиваться внизу, на земле, их и мало здесь чрезвычайно. Многие из них приспособляются на деревьях, устраиваясь в щелях или в дуплах их или просто на коре, — там они получают больше света, а влаги везде довольно.

Сейчас, зимою, лес представлял всевозможные тона и оттенки зеленого цвета, от самой яркой, ярь-медянки, до густого темнозеленого. Цветущих растений не было заметно. Но весною и летом, когда многие деревья в цвету, когда цветут и орхидные-эпифиты и многие ползучки, надо думать картина пестра и разнообразна...

Осмотревшись, я убедился, что местность чрезвычайно удобна для экскурсий и интересна, — едва ли можно было выбрать лучше. Если бы попасть сюда летом, тут можно было бы набрать множество зоологического материала и сделать не мало ценных наблюдений. Но теперь — увы — уже первая моя прогулка по лесу показала, что животной жизни почти нет, — она вся замерла, спряталась, ушла в землю на зиму!.. Самое понятие «зимы» совсем плохо вязалось с этой богатейшей растительностью, с пальмами и папоротниками и с температурой не ниже 15° Ц. А, между тем, ясно, что теперь была настоящая зима, хотя и тропическая. Лес был тих и молчалив, птиц в нем не было ни слышно ни видно. Ящерицы и змеи отсутствовали. Что же касается насекомых, то,

несмотря на самые тщательные поиски под камнями, под корою деревьев, под гнилыми стволами и в других укромных местах, где они обычно бывают, мне не удалось найти буквально ничего. Они исчезли бесследно! Не было даже пауков и многоножек, которых у нас можно найти под камнями сейчас, как только сойдет снег. Отсутствовали и сухопутные улитки и слизни, а летом, при таком обилии влаги, их здесь наверное множество. Точно также мне не удалось найти и дождевых червей, которые здесь должны быть интересны.

Да, это была настоящая зима, — зима без холода, среди зелени и тропических растений!

Возвращаясь домой, я встретил Накагаву. Его охота была также мало удачна. «Рури-какесу» он не встретил, убил трех маленьких птичек, которых и передал мне с торжествующим видом. К своей роли научного охотника он относился с полной добросовестностью, но стрелял, повидимому, плохо. Вся фигура его в охотничьем френче, фантастической шляпе и обмотках, обвешанная патронташами, ягдташем, биноклем и еще какими-то мешечками, удивительно напоминала бессмертного героя Додэ, и про себя я прозвал его «японским Тартареном». Я не понимал, к сожалению, его охотничьих рассказов, но когда он по вечерам повествовал Яцуки о своих похождениях на Формозе, мне так и казалось, что он описывает знаменитую охоту на львов в Алжире, результатом которой был подстреленный осел...

Впрочем, он был добрым малым, и мы с ним прекрасно проводили время в маленьком японском домике на берегу шумливой речки. Мы как-то даже умудрились понимать друг друга и разговаривать о самых разнообразных вещах...

На следующее утро, часов в восемь, меня разбудил резкий каркающий и скрипящий крик «рури-какесу». Несколько птиц залетело в соседнюю рощу и даже чуть ли не на самый наш огород. Я растолкал своего Тартарена, и он живо схватил ружье и отправился на охоту. Скоро раздались несколько выстрелов, и мой охотник торжественно принес пару этих красивых птиц.

Рис. 13. Охотники за «черным зайцем» и их собака.

«Рури-какесу» (*Lalocita lidtii*) близкая родственница нашей сойке и, как выяснил позднее по моим экземплярам покойный П. П. Сушкин, оказывается формой очень интересной, — она является как бы связующим звеном между американскими сойками и сойками Евразии.

Оперение «рури-какесу» красивого красного цвета, но на крыльях и в хвосте у нее синие перья. Когда она летит, то производит впечатление какого-то тропического попугая. Несколько лет тому назад она почти совсем исчезла, — ее выбили из-за ее красивых перьев, и остатки этой птицы ушли в чащу леса. Но теперь, после издания охранительного закона, существующего притом не только на бумаге, но и осуществляемого на деле, птица эта опять размножилась и, главное, совсем перестала бояться человека. Мне не раз приходилось любоваться ею с расстояния каких-нибудь 20 шагов. Накагаве не трудно было настрелять в течение следующих дней еще несколько птиц, так что вместе с подаренной мне губернатором я привез их 9 штук, и наш музей располагает теперь, пожалуй, большим числом этих редких птиц, чем какой-либо другой.

Я горел, конечно, желанием поскорее отправиться в лес и попытаться разыскать там попрятавшихся представителей фауны, но только что я вышел из дому, как начался ливень. Пришлось экскурсию отложить

и заняться препаровкой убитых птиц. С этого момента погода окончательно испортилась, и в течение дальнейших дней небо все время было затянуто тучами, то и дело шел дождь, а временами бушевала настоящая буря. При малейшем просвете мы оба сейчас же отправлялись в лес и нередко возвращались оттуда насквозь промокшими...

Когда небо прояснялось и показывалось все оживляющее солнце, ущелье принимало приветливый вид. Омытая дождем листва блистала всеми оттенками зеленого цвета, показывались немногочисленные мелкие молчаливые птички, появлялись огромные и пестрые тропические бабочки. Зимняя обстановка делала последних более доступными: они летали медленно и низко, и, при некоторой сноровке, их легко было поймать. Летом в тропическом лесу бабочки летают высоко, держатся около вершин цветущих деревьев, и, как известно всем путешественникам по тропическим странам, единственный способ добыть их — это стрелять песком или мелкой дробью с опасностью повредить насекомое. Теперь мне удалось наловить крупных черных махаонов прямо сачком.

Однако, все мои старания раздобыть других насекомых, жуков, полужесткокрылых, прямокрылых, — были тщетны. Я переворачивал сотни камней, расковырял все гнилые пни по дорожке, просеивал опавшую листву, и все-таки мои сборы были ничтожны. Даже главных господ положения

в тропическом лесу, термитов, мне только раз удалось найти в гнилом дереве, но и то это были простые рабочие; добраться до более высокопоставленных особ колонии мне не удалось, — очевидно, они сидели где-нибудь глубоко под землей. Пара лягушек, тритон и змея, принесенная мне дровосеками, знаменитая «хабу», полусонная и не проявлявшая никакого темперамента, да дюжина рыжих крыс, наловленных у нас в доме мышеловками, — вот и все,

Рис. 14. Черный заяц «куро-усаги» (*Pentelagus jeffreisi*).

что мне удалось собрать из более крупных животных. Зато гербарий удалось составить во время моих прогулок по лесу довольно обширный и передающий до известной степени состав флоры ущелья.

Хуже всего обстояло дело с «черным зайцем». Еще в Назе выяснилось, что добыть его собственными средствами будет невозможно. Мой Тартарен решительно отказывался. Зверёк этот ночной, днем он держится в дуплах деревьев, так как, несмотря на всю свою заячью натуру, по деревьям лазает, как кошка. Чтобы отыскать его, нужна особо дрессированная собака, а главное умение ориентироваться в лесу, знание особых примет, вообще опытность.

В первый же день моего пребывания на станции хозяин нашел в деревне Нишинакама двух опытных охотников за зайцами; они явились ко мне и договорились, уверяя, что для них это дело пустое, зайцев они достанут сколько угодно. Прежде на зайцев много охотились, главным образом ставили петли. Дупло с семьей зайцев нетрудно найти по следам при помощи собаки. Затем на наиболее протоптанной тропе ставились одна за другой ряд петель. Как они рассказывали, зайцы так глупы, что случалось находить всю семью висящей друг за другом. В других

случаях зайцев выкуривали из дупла и убивали просто палками или ловили при помощи собаки.

Охотники мои в тот же день отправились в лес, провели там всю ночь и на утро вернулись, промокшие и иззябшие, но без зайца. Выманив у меня несколько денег, они на следующий день отправились снова в лес и пропадали там двое суток, но охота их была так же безрезультатна. И лишь в третий раз, в тот день, когда я собирался уже покинуть ущелье, они вернулись с охоты не совсем с пустыми руками, — принесли мне небольшого живого зайченка.

— Куро-усагино кодомо (ребенок черного зайца), — объявили они.

Это был прехорошенький зверёк, бурый сверху, с темными коротенькими ушками и темною крысиною мордочкой. Задние ноги его длинные, как у зайца, но все лапы вооружены острыми когтями, позволяющими лазать по деревьям с легкостью белки. Размерами он был с небольшого кролика. Я его тотчас же посадил в большую мышеловку и в таком виде он был доставлен в Наэ, где вызвал всеобщий интерес: никому из городских жителей не приходилось, конечно, видеть живым этого пугливого зверька.

Охотники, однако, в общей сложности, вытянули у меня постепенно за этого зайченка столько денег, что ими с лихвой были бы оплачены два взрослых зайца. Это им было поставлено на вид. Они ссылались на погоду и на неудачу и клятвенно обещались убить мне взрослого зайца и прислать в Наэ.

Удивительнее всего было то, что они, действительно, исполнили свое обещание, и дня через два по возвращении через посредство автомобильной компании, поддерживающей сообщение «дидошами», я получил большого зайца, только что убитого моими охотниками в лесах Сумио. Разумеется, и за этого зайца я заплатил, чтобы поощрить столь честное выполнение принятых на себя обязательств.

Таким образом, мне удалось заполучить и эту редкость. Я не препарировал зайцев, чтобы их не испортить, а положил их целиком в спирт и в таком виде привез в музей. Это было ценное приобретение, так как грызун этот относится к интересному тропическому роду *Pentelagus* и составляет совершенно особый, мало изученный и плохо описанный вид (*Pentelagus jeffreysii*). Он едва ли имеется в каком-либо из европейских музеев, кроме Британского.

Прожив неделю в ущельи и собрав все, что можно было собрать при данных неблагоприятных условиях, я решил вернуться в Наэ и закончить свои работы на Амами-Ошимае. Я надеялся, что на южнее расположенном острове Окинаве мне удастся найти более благоприятные условия для работы. Здесь же, было совершенно очевидно, до начала весны, еще месяц-полтора, вся фауна будет находиться в состоянии крайнего зимнего угнетения. К тому же, и мой Накагава стал проситься домой, — ему надоело мокнуть в лесу. За все время он кроме рури-каесу настрелял мне дюжины две птиц и также постоянно жаловался, что нет птиц, все попрытались.

Наше обратное путешествие совершилось вполне благополучно. На этот раз и «дидоша» была более надежная, — это был новенький «Форд».

В «отеле» меня уже заждались. Комната моя оставалась за мной, и в ней все было в порядке.

Через два дня должен был прийти «Анпин-мару» из Кагошимы, и на нем я предполагал переправиться на Окинаву. Пришлось экстренно заняться приведением в порядок всех собранных коллекций и их упаковкой.

V.

На Окинаве.

Отъезд с Амами-Ошими. — Встреча в Нафа. — Город. — У губернатора. — В прежней столице Шури. — Дворец.

Я проснулся рано, разбуженный шумом волн, разбивавшихся о прибрежный песок за оградой садика. Когда я отодвинул деревянные ставни, закрывающие верандочку вокруг моей комнаты, то увидел, что брызги волн перелетают через ограду сада и достигают дома. Шторм в море ужасный, и надеяться на приход парохода нечего. Скоро стало известно, что он и не вышел из Кагошимы из-за шторма.

Весь день я провозился над упаковкой коллекций.

На следующий день, 24 декабря, буря на море не унималась. У меня все уже было упаковано. Ехать никуда из-за погоды было невозможно,

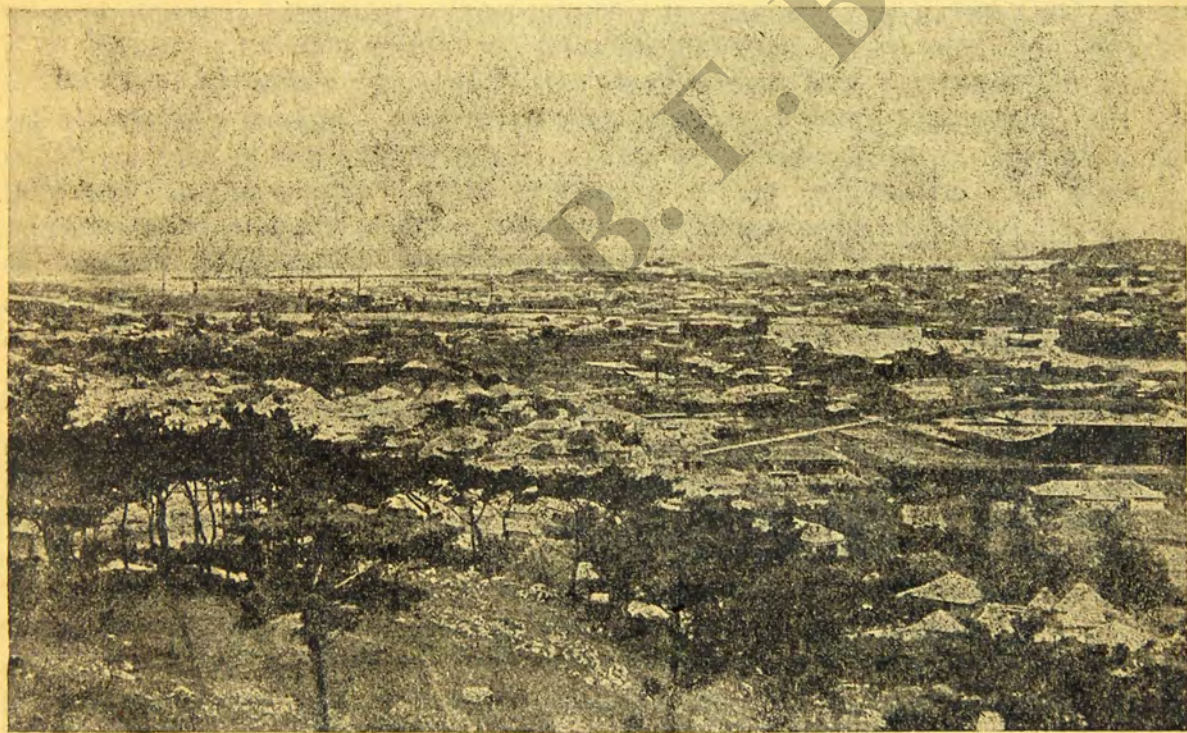

Рис. 15. Город Нафа с окружающих холмов. На море видна белая полоса бурунов, разбивающихся о береговые коралловые рифы.

и я начинал скучать. Некоторым развлечением явилась пришедшая на мое имя телеграмма на японском языке. При помощи миссионеров мне удалось расшифровать затейливые крючки хираканы, — телеграммы пишутся не китайскими иероглифами, применяемыми для всех других целей, а японским слоговым письмом, хираканой. Каждый значок изображает собою слог, и таких слогов всего около сорока, так что изучить хиракану не трудно. Изучать ее, однако, бесполезно, так как кроме телеграмм и

букварей для маленьких детей, начинающих изучать хитрую японскую грамоту, на ней, кажется, ничего не пишут.

Телеграмма была от Окинавского мамбуто — Отдела народного образования при губернаторстве. Окинавский наробраз просил меня сообщить, с каким пароходом я выеду на Окинаву. Очевидно, там были извещены уже о моем прибытии, ждали меня и предполагали встретить и помочь мне.

На следующий день шторм еще продолжался, хотя ветер несколько стал сдавать... О пароходe все еще не было ни слуху ни духу. В этот день пришло известие о смерти японского императора, — «сына неба»... Наш маленький городок пришел в волнение. На улицах собирались группы жителей и шопотом, с постными лицами, передавали друг другу подробности печального известия. Оно не было неожиданным. Микадо давно был болен, и смерть его ожидалась со дня на день. Надо полагать, что заблаговременно были припасены и траурные флаги, которыми через два-три часа после получения известия был увешан весь город. С молниеносной быстротой появились также у всех официальных лиц на рукавах траурные повязки...

Наконец, 26 декабря, с моря донесся давно жданный гудок. Показался знакомый «Анпин-мару» и остановился довольно далеко от города, так как ветер еще был силен, а грунт дна в заливе ненадежен. Я расплатился в гостинице и распрощался с хозяевами. Все, что было мною собрано на Амами-Ошимае, я оставил на хранение хозяину, так как все равно на обратном пути мне пришлось бы заехать в Назе.

В 4 ч. д. я был уже на пароходe, но здесь я с душевным прискорбием узнал, что командует им новый капитан, мало знакомый еще с этой линией. Он боится итти ночью, и «Анпин-мару» снимется с якоря только на следующий день в час. Возвращаться на берег мне уже не хотелось, и я остался на пароходe, где мне отвели мою прежнюю каюту.

На следующий день в час мы, действительно, снялись с якоря и направились к выходу живописного залива. Как только мы вышли в открытое море, нас встретили такие огромные океанические волны, что наш «Анпин-мару» стал переваливаться с боку на бок, в кубрике загремела посуда, ни ходить ни сидеть стало невозможно, и мои спутники, японские купцы, живо улеглись по своим каютам. Ужинать мне пришлось одному с капитаном.

К утру погода стихла, небо прояснилось, и, когда я в шесть часов утра вышел на палубу, картина была очаровательная. Мы шли уже вдоль западного берега Окинавы и могли любоваться зубчатыми очертаниями главного хребта острова со склонами, покрытыми лесом. Характер гор был здесь совсем иной, чем на Амами-Ошимае, особенно в южной части острова, где невысокие сглаженные холмы и плоские террасы явно обнаруживали коралловое происхождение. Действительно, вся южная часть Окинавы представляет собою древние коралловые рифы, поднявшиеся, надо полагать, геологически не так давно.

Наша конечная цель, — город Нафа или Наха, столица Окинава-кен (Окинавского губернаторства, охватывающего все острова Лиу-Киу, кроме Амами-Ошимы) — расположен почти на самой южной оконечности острова, на небольшом заливе, подход к которому чрезвычайно затруднен рядами опасных коралловых рифов. Несмотря на присутствие маяка и береговых знаков, войти в залив очень трудно, и даже с опытными японскими мореходами случаются постоянные аварии. Нам, благодаря хорошей погоде, удалось, однако, благополучно проскользнуть между всеми опасностями и войти в узкий вход гавани. Через несколько минут мы уже ошвартовались у пристани, где нас ждала огромная толпа народа, несколько десятков автомобилей и много грузовых повозок. Парохода и здесь заждались. Шторм прервал почти на неделю сообщение Окинавы с внешним миром,

и потому прибытие «Анпин-мару» для всех обитателей Нафы было событием.

Как только был спущен трап, на пароход взошли три японца в сюртуках, в крахмальных воротничках с черными галстуками, и направились прямо ко мне. Это были представители Мамбуто, приехавшие встретить меня. Среди них находился и сам начальник отдела народного образования Окинавского губернаторства, Сатони, объяснявшийся, хотя и плоховато, по-английски. В качестве переводчика в делегации участвовал «профессор» английского языка в средней школе, Ямаширо, третьим же делегатом был представитель местных научных сил, директор рыболовной школы Нафы, д-р Авайя.

После первых представлений, приветствий, расспросов о том, как я доехал и хорошо ли себя чувствую после путешествия, и после непрерывной церемонии обмена визитными карточками, они помогли мне устроиться с багажом, поручили доставку его какому-то носильщику, а меня усадили в автомобиль и довезли до гостиницы, хотя до нее и пешком можно было дойти в пять минут.

Гостиница и здесь, конечно, оказалась японского типа, но для меня была приготовлена прекрасная большая комната во втором этаже, с верандочкой, выходящей на канал. Само собою разумеется, что сейчас же появился чай со сладкими лепешками. Я со своими новыми знакомыми устроился на полу на подушках, и мы стали обсуждать программу моего пребывания. Она, оказывается, у членов Мамбуто была уже составлена и даже написана на длинной тонкой бумажной полосе с вертикальными рядами иероглифов. Один за другим приходили еще новые посетители, представлялись, знакомились и присоединялись к общей беседе.

Вдруг мне приносят карточку еще одного джентльмена, который хочет меня видеть.

— Кто такой?

— Полицмейстер Нафы!

— Просите...

Появляется японец, одетый с иголочки во все европейское и с любезными улыбками, пришепетываниями и поклонами осведомляется о моем здоровье.

— Хорошо ли изволили доехать? Не беспокоила ли вас качка? Не устали ли вы с пути? Не могу ли быть вам чем-нибудь полезным?

Я не знал, как отнестись к его визиту, — избыток ли это любезности и заботливости, или признак недоверия и желание своими глазами убедиться, насколько опасная птица прилетела из красной страны? Решил, что выгоднее предполагать первое. К тому же меня осенила блестящая идея.

— Доехал я великолепно... Качка на меня не действует... А вот, кстати, не поможете ли вы мне убедить хозяина, что цена, которую он хочет взять с меня за комнату, шесть с половиною иен (почти столько же рублей) в сутки, вдвое больше настоящей... На Амами-Ошима я платил три иены, здесь же согласен дать четыре...

Он тотчас же поднимается и отправляется вниз к хозяину. Через несколько минут он вернулся сияющий.

— Я все устроил! Вы будете платить четыре иены...

Разговор его с хозяином имел и другие последствия. Уважение ко мне в гостинице возросло чрезвычайно, и поклоны хозяина и хозяйки сделались еще более низкими. Любезность их простерлась до того, что они отыскиали где-то и поставили мне в комнату настоящий стул и стол, так что я мог писать и вообще заниматься уже не лежа на полу на брюхе, а сидя за столом. Впрочем, когда ко мне приходил кто-нибудь в гости, то все равно приходилось сползать на циновки, так как второго стула

не было, а нельзя же было самому сидеть на стуле, а гостя усаживать на пол...

Программу моего пребывания мы обсудили во всех деталях. Пришлось внести много поправок в план, составленный Мамбуто, так как он совсем не соответствовал моим намерениям.

— Не хотите ли теперь посмотреть город? — обращается ко мне Ямаширо-сан. Он наиболее свободно говорил по-английски, и ему, видимо, было поручено служить мне переводчиком и гидом.

Я согласился. Вызвали по телефону автомобиль и поехали.

По дороге мне невольно вспоминалось описание Нафы, данное Гончаровым в его «Фрегате Паллада». Тогда, в 1854 году, Нафа была небольшой деревушкой, расположенной в густом тропическом лесу, где матросы с фрегата пасли захваченных с собой для пропитания овец.

Рис. 16. Базар Нафы.

Столицей тогдашнего Лиукийского, или, как называл его Гончаров, Ликейского королевства, был город Шури, расположенный в нескольких верстах. Он и теперь сохранился, и мне удалось его посетить позднее, но сейчас он утратил всякое значение. Со времени захвата островов японцами Нафа разрослась в большой и бойкий портовый город и стала главным центром и административным и торговым.

Жизнь бьет здесь ключом. Город — сплошной базар. Вдоль улиц тянутся непрерывной вереницей лавки, полные японских товаров. Рис и соя, дешевая мануфактура, посуда и даже циновки — все привозится из Осаки и Кагошимы, и лишь несколько лавок, торгующих изящными и своеобразными изделиями красного лака, свидетельствуют о том, что на острове имеется и кое-какая собственная кустарная промышленность. Конечно, как всегда, в отдаленную колонию направляется все, что поплоче, всякая заваль и гниль, и все, что устарело и не идет в Японии.

По внешности Нафа мало отличается от любого японского города средней руки. Улицы довольно широки и чисты, большею частью с низенькими одно- и двухэтажными домами. Ратуша и еще несколько казен-

ных зданий каменные, европейской постройки, как всегда, неопределенного и довольно бесвкусного стиля. Несмотря на свои незначительные размеры, город весь оплетен сетью трамваев; не мало на его улицах видно и автомобилей, всюду электрическое освещение и густая паутина телефонов. Имеется несколько кинематографов, два театра, выходит две газеты, не мало книжных лавок, разумеется, торгующих исключительно японскими книгами; кроме нескольких миссионеров, европейцев в городе нет.

Мы быстро сделали круг по городу, заглянули на базар, где под зонтиками сидят торговки и продают всякую снедь, проехали по главным улицам. Я посмотрел на часы. Был уже полдень, — время, когда, по предварительным телефонным переговорам, из гостиницы мог меня принять губернатор. У меня было к нему рекомендательное письмо от премьер-министра, и сделать ему визит было совершенно необходимо. Мы повернули в заречную часть города, где находятся все присутственные места и губернаторский дворец, — довольно неуклюжее и бесвкусное здание в стиле «японского ампира».

Губернатор принял меня тотчас же. Это был еще не старый японец, в сюртуке и в крахмальном белье, наверное, понимающий по-английски, но, тем не менее, разговаривавший со мной при посредстве Ямаширо. Принял он меня чрезвычайно любезно.

Зная обычаи страны и желая расположить к себе губернатора, я начал с выражения своего крайнего сожаления, что приехал в такое время, когда вся Япония повержена в траур по случаю смерти императора. Я высказал ему свое глубокое сожаление. Губернатор выслушал меня с подобающим траурным выражением лица, и затем любезность его удвоилась. Он велел подать чай, и мы долго сидели с ним и беседовали об острове и о том, что можно на нем увидеть.

Результат беседы был самый неожиданный: губернатор предоставил мне на три дня свой автомобиль для поездки на север Окинавы...

Когда я откланивался, он пошел меня проводить и простер свою любезность до того, что сам лично показал мне свой змеятник, находящийся в саду у самого его дома. «Симпатичное соседство», подумал я про себя.

Змеятник здесь имел вид вольера из густой сетки. В нем находилось с полдюжины огромных, желтозеленых, чрезвычайно ядовитых «хабу». Они грелись на солнце, но чувствовали себя в зимнем пониженном настроении, не кусались и даже не шипели, когда сторож их беспокоил бамбучинкой.

У дома губернатора находится также библиотека, которую мне показали, — учреждение, пока довольно примитивное. В ней собрано кое-что из старинных китайских книг о Лиу-Киу, кое-какие старинные картины, и даже сделана попытка сохранить археологические древности. Окинава ими богата, и кое-где производились уже раскопки, давшие множество черепков глиняной посуды очень первобытного изготовления, каменные орудия и кости. Все это свалено в библиотеке прямо в корзины и хранится кое-как, но может быть в этом все же можно видеть зачаток музея, который, несомненно, здесь должен рано или поздно возникнуть...

На обратном пути Ямаширо предложил мне заехать в шинтоистский храм Наминоуйе, полюбоваться видом на море и город. Храм этот расположен на высокой скале, крутым обрывом спускающейся прямо к морю. Безграничная гладь океана и белая полоса прибоя на береговом коралловом рифе составляют яркий контраст с зеленой каймой берегов и с оживленной картиной раскинувшегося внизу города.

Шинтоистский храм сам по себе не представлял особого интереса. Он был недавно построен на месте сгоревшего и блистал белизной дерева своих П-образных ворот — «тори».

На дворе храма мы встретили молодого красивого японца, шинтоистского жреца, заведующего храмом. К моему удивлению, он заговорил со мной по-английски, и оказалось, что он говорит совсем недурно.

Он нам показал храм, а затем вдруг сделал совсем неожиданное предложение:

— Не хотите ли посмотреть мою коллекцию раковин?

Я последовал за ним в маленький домик при храме и... просидел там часа два. Коллекция состояла из 800 видов раковин, собранных исключительно у берегов Лиу-Киу. Они поражали своим чрезвычайным разнообразием, красотой и яркостью окраски. Притом они были тщательно отпрепарированы, вполне научно определены, снабжены латинскими эти-

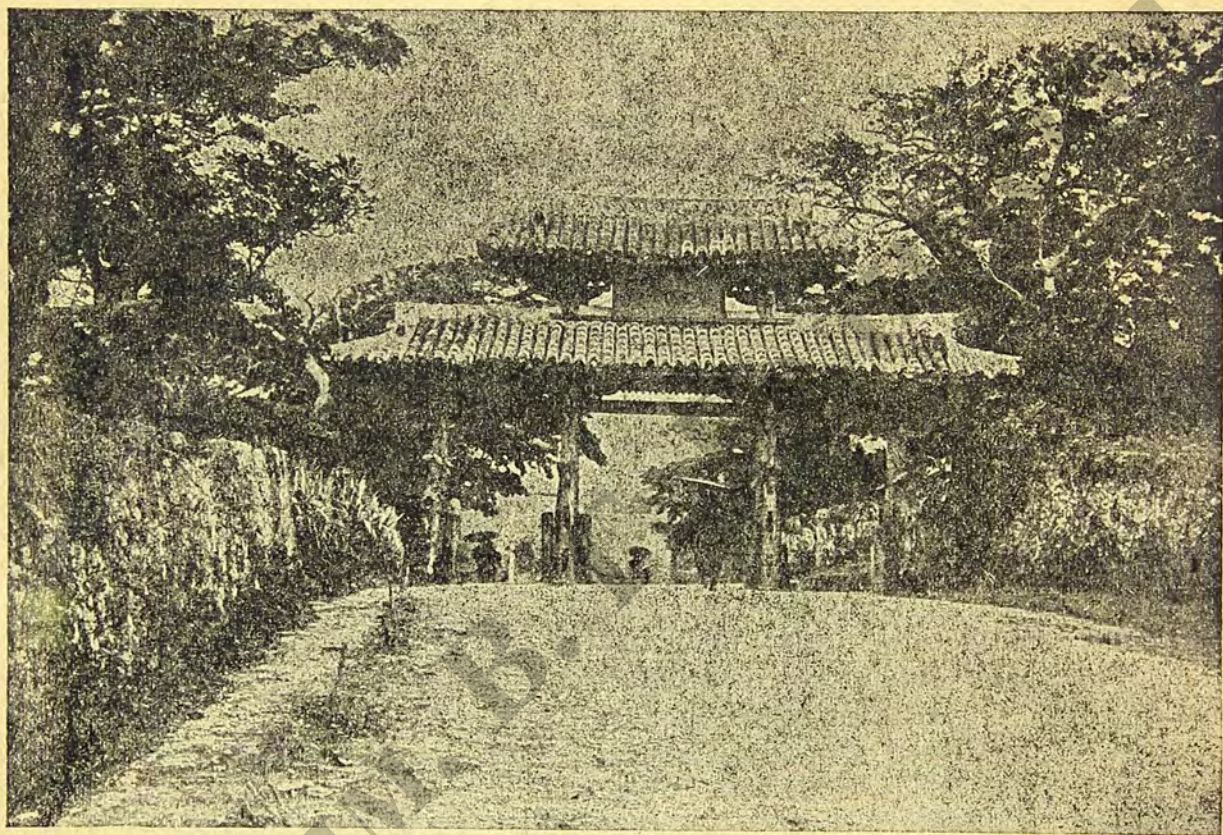

Рис. 17. Ворота Ю-рей-мон, ведущие к дворцу.

кетками и сохранялись в полном порядке, расположенные по семействам в ящиках и коробках.

Я невольно залюбовался коллекцией и выразил хозяину свое восхищение.

— Где же вы учились зоологии? Вы кончили университет? — спросил я его.

— О, нет! Я ведь слугитель шинто... Я просто любитель раковин... Но я ими давно занимаюсь и составил список всех моллюсков, водящихся у берегов Лиу-Киу... Вот позвольте вам его поднести...

Он передал мне брошюру, представляющую собой очень ценный вклад в науку...

— А вот не хотите ли посмотреть еще одну редкость? Вы ведь знаете, что у нас здесь раньше был распространен фаллический культ? На месте этого храма стоял храм почитателей фаллуса, и вот вам одна из его реликвий...

Он показал мне при этом каменный объект фаллического культа величиною с поларшина, но разбитый...

Это был редкий случай для европейца: в Японии неохотно показывают такие вещи...

Следующий день было решено посвятить осмотру прежней столицы Лиу-Киу, резиденции королей, Шури. Утром Ямаширо и Авайя зашли за мной, и мы отправились на площадь перед ратушей, где находится конечная станция трамвая, направляющегося в Шури.

Миниатюрный вагончик не заставил себя долго ждать, и мы довольно быстро покатали в нем в компании каких-то старух с нататуированными кистями рук. Мы пересекли весь город и выехали на живописную долину на берегу залива, покрытую рисовыми полями и плантациями сахарного тростника. Минут через двадцать мы поднимались уже на невысокие холмы кораллового известняка, на которых располагается Шури.

По сравнению с торговой и деловой Нафой это тихий и спокойный городок. На улицах мало движения, совсем не видно автомобилей, дома низенькие, большею частью прячущиеся за высокими стенами. За открытыми воротами, на некотором от них расстоянии, поставлена обыкновенная стенка, закрывающая вид на двор.

— Это старинный обычай, — объяснили мне мои спутники. — Это щит, который защищает дом от нашествия злых духов...

В городе, говорят, не больше 25 000 жителей, среди них много доживающих свой век представителей прежней лиукийской аристократии, придворных и служащих ликвидированного японцами королевского двора.

— А что же случилось с самим королем? — поинтересовался я.

— Когда в 1872 году острова были «присоединены» к Японии, его пригласили переехать в Токио... Он жил там до самой смерти «гостем» императора... Внук его и до сих пор там живет и носит титул «маркиза» Шо... Здесь остались, однако, родственники короля, они получают пенсию от правительства и живут, как частные люди... Двоюродный брат короля, барон Шо-Юн, сейчас временно находится также в Японии, и мы можем с вами осмотреть его дворец...

«Дворец» оказался довольно скромным домом, также прячущимся за высокими каменными стенами, и с воротами, защищенными от злых духов. Управляющий любезно показал нам его. Простые японского типа комнаты были большею частью, как полагается, пусты. Их единственным украшением являлись расписные ширмы и кое-где картины китайских мастеров. Лишь приемная, в которой нас угостили неизбежным чаем, была заставлена какой-то нелепой и плохо гармонировавшей со всем окружающим европейскою мебелью. Зато сад вокруг «дворца» очарователен со своими горками и карликовыми деревцами, пальмами и папоротниками, бассейнами с золотыми рыбками и каменными фонарями. Теперь зимою мало растений было в цвету, но когда весною цветут знаменитые лиукийские лилии и тюльпаны и покрываются розовым снегом вишни, надо думать, этот сад производит волшебное впечатление.

Недалеко от дворца Шо-Юна начинается дорога, ведущая к замку короля, расположенному на холме. Сперва приходится идти превосходным парком, расположенным по склону холма. Он превращен теперь в нечто вроде ботанического сада, — по крайней мере на всех деревьях прикреплены дощечки с латинскими названиями. К сожалению, я не мог проверить, насколько эти названия соответствовали действительности, — все деревья здесь были для меня новыми...

Далее дорога заворачивает и поднимается к высокой каменной стене, окружающей замок. Замок этот был возведен в XIV веке н. э., но деревянные постройки его гораздо более позднего происхождения, так как они неоднократно сгорали до тла и перестраивались.

Прежде чем попасть к дворцу короля, приходится миновать целый ряд ворот китайской архитектуры, не поражающих, впрочем, ни красотою ни величием. Ворота Чу-сан-мон и Ю-рей-мон деревянные и служили,

главным образом, триумфальными арками для приема китайских послов, ежегодно приезжавших к лиукийскому королю от богдыхана для получения податей и подарков. Потому на вторых воротах обычно была надпись «Тай-кен» — «В ожидании мудреца», но перед приездом почетных гостей ее заменяли таблицей, на которой были начертаны золотом иероглифы «Ю-рей-но-куни» — «страна, соблюдающая церемонии», т. е. не какая-нибудь дикая, а причастная к великой поднебесной империи. Третьи ворота Кван-квай-мон, — «ворота для приема», — непосредственно в каменной стене с двумя каменными львами китайского фасона по бокам. Они запирались на ночь в целях охраны, и наверху в башне караулили часовые.

Рис. 18. Мраморный дракон у входа во дворец.

От этих ворот пологая лестница ведет к следующим воротам Суй-сен-мон — «воротам источника доброго предзнаменования». Около них стоит несколько камней с памяtnыми надписями, и из каменной головы китайского дракона бежит прозрачная струя источника. Наконец, приходится пройти последние небольшие ворота «Роко-ку-мон» — «ворота водяных часов», на которых в прежние времена определялось водяными часами время и вывешивались сигналы, сообщавшие, который час. Лишь пройдя эти ворота, попадаешь на обширный двор, на котором помещается главное здание дворца и сильно разрушенные и перестроенные пристройки, в одной из коих теперь находится женская школа.

Дворец, довольно большое, двухэтажное здание, с двухъярусной черепичной крышей, также находится в состоянии постепенного разрушения. О прежнем величии его свидетельствует лишь обширная терраса с мраморными колоннами.

Рис. 19. Дворец в Шури.

морной баллюстрадой и с ведущей к ней широкою мраморной лестницей и покоящееся на четырех колоннах крыльцо, крыша которого украшена резьбою и великолепной фарфоровою головою дракона. Перед лестницей стоят по бокам два очень выразительных, высеченных из мрамора китайских дракона. Внутри дворца — мерзость запустения, ободранные, гниющие доски, какие-то лохмотья...

Я попенял своим спутникам за такое небрежение историей страны.

— Да, знаете, от нашего правительства очень трудно получить деньги на сохранение и поддержку лиукийских памятников... Ведь в народе еще помнят короля, и не все довольны нами и нашими порядками! — откровенно начал один из них, но сейчас же осекся...

Мы поднялись по мраморной лестнице и прошли сквозь мрачные развалины дворца. По другую сторону его находился также широкий двор, и в конце его виднелись чистенькие белые «тори» шинтоистского храма, а за ними виднелся и сам храм.

— А вот этот храм в честь японского императора. Он недавно выстроен и содержится хорошо...

Мы не пошли его смотреть, так как в шинтоистском храме вообще смотреть нечего. Свернув направо, мы через небольшие воротца вышли на очаровательную площадку — самое высокое место в замке — откуда открывался широкий вид на раскиданную под холмами Шури. Вдали виднелась Нафа и расстилалась голубая ширь океана с темными пятнами островов.

Налюбовавшись вдоволь великолепным видом, мы отправились тем же путем назад. Остальная часть дня ушла у нас на посещение одной из школ в Шури, где оказался небольшой, но хорошо собранный школьный музейчик, и на хождение по лавкам антикваров, где мне удалось найти ряд ваз и разных других глиняных изделий, свидетельствующих о некоторой самобытности лиукийского искусства...

Лишь к ночи вернулись мы пешком в Нафу.

VI.

У теплого моря.

Поездка на север острова. — По западному берегу. — Могилы и погребение. — В Него. — Поездка в «Гавань Ожидания». — Страничка из прошлого. — Подъем на Катсуо-даке. — Новый Год. — Пересечение хребта.

Губернатор исполнил свое обещание. На следующее утро перед моей гостиницей остановился превосходный 40-сильный автомобиль, управляемый лучшим шофером на острове. Мы должны были совершить на нем поездку на север острова, в округ Кунчан.

Моими спутниками были все те же мои новые приятели, «профессор» Ямаширо и «доктор» Авайя. Первый из них главным образом играл роль переводчика, второй же был очень полезен, как старожил Окинавы, прекрасно знающий всех и все на острове. Всюду у него были бывшие ученики, приятели и просто знакомые, со всеми он был в хороших отношениях и все мог устроить. Мы забрали в автомобиль самые необходимые дорожные вещи, банки для коллекций, сачки и коробки для насекомых, фотографические аппараты.

— Не надо ли взять с собою и что-либо из провианта? — спрашиваю своих спутников.

— Нет, мы остановимся в Него. Это хоть и небольшой городок, но все-таки там имеется гостиница и можно достать все необходимое.

Ограничились тем, что забрали с собою на дорогу хороший запас апельсинов.

И вот, мы уселись в автомобиль, распростились и покатали сперва по улицам города, переполненным народом. Скоро выехали за его пределы, и слева перед нами вырисовалась синяя гладь залива, огражденного коралловыми рифами, на которых вздымалась белая пена бурунов.

Был ясный и теплый солнечный день. Несмотря на конец декабря, в легком летнем костюме было как раз впору. Автомобиль наш быстро катился по гладкой дороге из кораллового известняка. Вся южная часть Окинавы низменна, лишь с небольшими увалами и невысокими выдающимися кое где скалами, представляющими собою древние коралловые рифы, поднятые подземными силами.

Сейчас же за городом находятся соляные варницы, где самым примитивным способом соль выпаривается солнцем на обширных полях, куда напускается при приливе морская вода.

Далее путь пролегал на большом расстоянии великолепной аллеей из многовековых деревьев. Навстречу нам тянулись крестьяне из соседних деревень, везущие свои продукты в город на базар. Медленно двигались нагруженные травой, дровами и мешками со сладким картофелем (бататами) черные, приземистые быки и коровы. Корова здесь не пользуется привилегиями «слабого» пола и наравне с быком работает на поле и таскает грузы на своей спине. Молочные продукты неизвестны населению, а молоко дается только детям, да и то лишь в виде лакомства. Зато женщины кормят детей грудью до трех-четырех лет, и не-

редко случается видеть, как бойкий мальчуган, набегавшись взапуски со сверстниками, садится к матери на колени и получает легкий завтрак.

В отличие от Японии, на островах Лиу-Киу почетное место в хозяйстве населения занимает свинья. Мы встречали по дороге не мало этих почтенных четвероногих местной породы — мелких, черных, с невероятно отвислым, почти волочащимся по земле брюхом. Чаще всего свиней везли в город на двухколесных телегах в каких-то не то корзинах, не то клетках. Свинья играет важную роль санитар и ассенизатора. К удивлению, лиукийские земледельцы не ценят, как в Японии, самого драгоценного удобрения, и отхожие места устраиваются таким образом, чтобы свиньи могли питаться человеческими извержениями. Тем не менее, свинина в большом почете и играет довольно важную роль в обычном лиукийском меню.

Страна, по которой мы ехали, вся сплошь была возделана. Поля со снятым уже рисом чередуются с полями бататов (сладкого картофеля). Этот корнеплод является здесь главным и основным питательным продуктом населения. Рис для последнего слишком дорог, тем более что своего риса не хватает и приходится ввозить его из Японии.

Главную основу хозяйства острова составляет все же сахарный тростник. Поля его постоянно попадались нам по дороге и производили странное впечатление. Они очень похожи на заросли камыша где-нибудь у нас на берегу озера, но здесь тростник растет на совсем сухих местах.

— Он вовсе не нуждается так сильно во влаге, как рис, — говорил мне Авайя. — Да у нас воды в почве всегда и от дождей достаточно, так что заливать поля водою не зачем. Вот жаль только, что все-таки наш тростник, по количеству сахара в нем, не может конкурировать с формозским или филиппинским... Но у нас имеется в окрестностях Нафы опытная станция, на которой производится селекция различных пород тростника и, может быть, нам удастся выработать породу, более подходящую к нашему климату.

Позднее мне удалось побывать на этой станции, и я убедился, что там дело поставлено еще серьезнее, чем на Амами-Ошимае.

— Скоро, в феврале, будет жатва тростника. Его срезают, связывают в пучки и раздавливают на особой мялке, которую приводит в движение лошадь или бык. Сок стекает в чан и потом выпаривается. Сахар получается довольно дешевый, его вывозят в Японию и там очищают. Впрочем, у нас много сахарного сока идет на приготовление водки... Вы видели, вероятно, в окрестностях Нафы фабричные трубы — это все водочные заводы...

Нам попадалось по дороге много крестьян в конических шляпах из пальмовых листьев. День был базарный, и все направлялись в город. Они приветливо нам улыбались, и многие почтительно кланялись.

— Кенчо! Кенчо! — кричали ребяташки во встречавшихся деревушках и толпами бежали за автомобилем, которому приходилось в деревне замедлять ход, так как то и дело чуть не подвергались под колеса собаки, куры и свиньи с поросятами.

— Что такое они кричат? — спрашиваю спутников.

— «Кенчо», — значит губернатор. Они все знают губернаторский автомобиль, он один такой на острове. Вот они и принимают нас за губернатора...

Женщины, попадающиеся на пути, несут все тяжести на голове, чего никогда не увидишь в Японии. Даже кадку с жидким, весьма не аппетитно пахнущим удобрением одна почтенная дама балансировала на голове, подложив под ее дно лишь пучок соломы. Другая встречная лиукийская дама поразила меня еще более своим жонглерским искусством:

она шла и несла на голове сложенный зонтик, захваченный на случай дождя. Это очень удобно — обе руки свободны.

Автомобиль наш был не единственным. Нам то и дело попадались навстречу облезлые, обтрепанные «дидоши» — общественные автомобили, набитые до отказа публикой. При виде их я вспоминал свое путешествие по Амами-Ошима в таком Ноевом ковчеге и мысленно благодарил любезного начальника края, избавившего меня от повторения такого эксперимента.

Автомобильное сообщение и здесь, на Окинаве, прочно привилось. Все важнейшие пункты на острове связаны рейсами «дидош», совершающимися большею частью ежедневно, а то и два-три раза в день. Прежние японские «баши» — дилижансы, влекаемые заморенными клячами, совершенно вытеснены автомобилями.

По сторонам дороги тянулись бесконечные поля. По временам попадались деревушки с хижинами, прячущимися за высокими заборами,

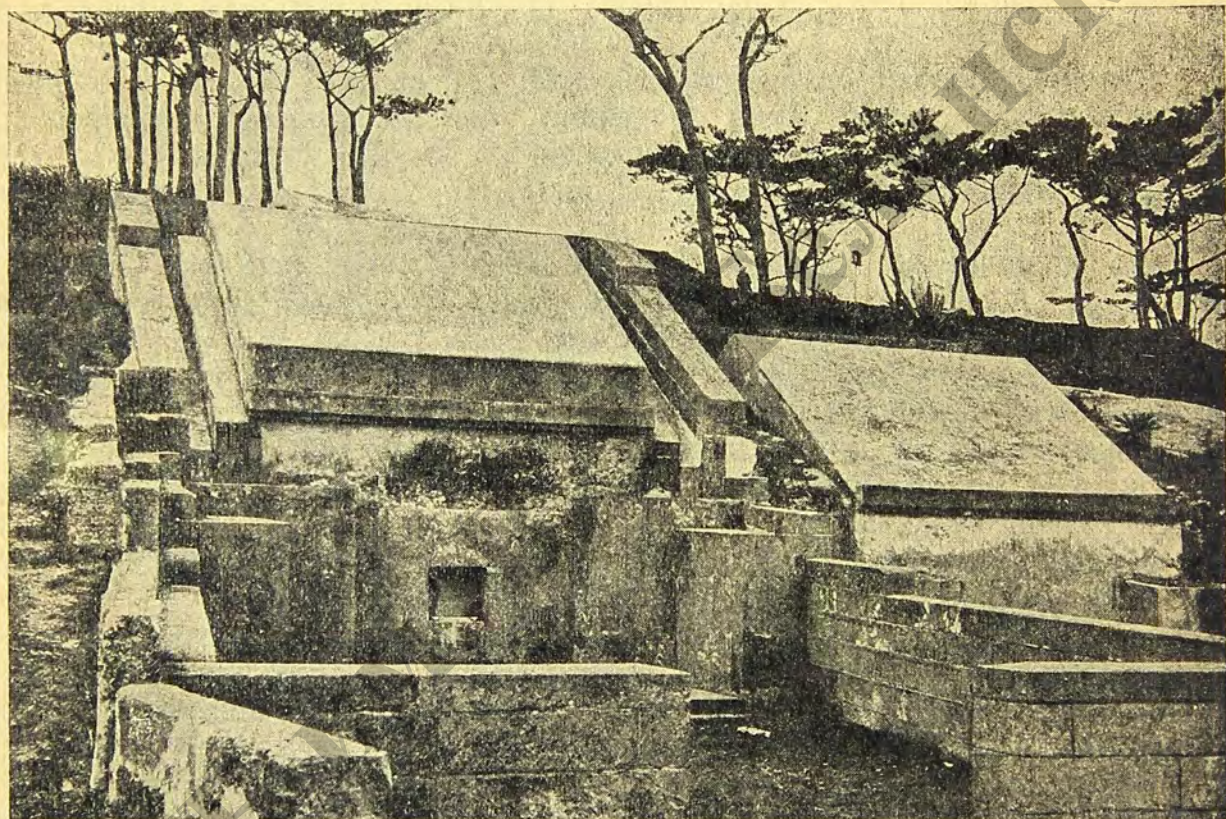

Рис. 20. Могила-склеп в виде домика на Окинаве.

в тени огромных фикусов, окруженные широколистными бананами и апельсиновыми деревьями, кое-где встречались и перистые саговники и лапчатые пальмы.

Часа через полтора езды, за деревней Шина, ландшафт меняется. Мы достигли части острова, где вдоль его тянется хребет уже более высокий и сложенный из древних пород. Впрочем, и здесь горы не достигают вышины более 300-400 метров. Они покрыты лесом и синеют вдали. Отроги их из красного песчаника и гнейса подходят к самому морю, и дорога местами переваливает через них по живописной пересеченной местности. Около деревни Катена эти отроги покрыты сосновым лесом и между ними вьется река, расширяющаяся в озеро. Станным образом, эта местность чрезвычайно напоминает финляндские ландшафты, в ней нет ничего тропического.

Далее дорога местами выходит на самый берег моря и огибает заливы, вдающиеся в остров, кое-где лепясь по карнизу над обрывом.

Обычным элементом ландшафта являются здесь могилы, вернее, склепы различной архитектуры (рис. 20); они вносят в ландшафт, полный ярких красок, зелени и света, некоторую струю меланхолии, напоминая о бренности всего земного...

Невольно пришлось разговаривать со своими спутниками о смерти и погребении, и они рассказали мне много интересного.

Лиукиец нередко всю жизнь копит деньги, чтобы выстроить себе посмертное жилище, в виде роскошного склепа. У каждой семьи, как бы бедна она ни была, имеется свой семейный склеп где-нибудь в окрестностях селения или города. Вокруг Нафы все холмы и пригорки усеяны этими своеобразными гробницами, часто довольно сложной постройки. Самый простой тип гробниц напоминает каменный домик, с прямыми очертаниями и покатою крышей. Склеп врыт внутрь, в виде пещеры, и перед ним помещается дворик, огражденный стенами. Более сложные гробницы имеют изогнутые линии и различные архитектурные украшения (см. рис. на обложке). Постройка такой гробницы стоит очень дорого, 3—4 тыс. рублей на наши деньги, что для такой бедной страны составляет огромную сумму, но перед этими расходами не останавливаются даже совсем мало состоятельные люди, нередко залезая в долги и прямо разоряясь из-за постройки склепа.

После смерти покойника одевают и укладывают в гроб, в виде деревянного ящика, закрывают ему лицо и кладут в гроб кисет с табаком, коробочку с обрезанными ногтями (их копят всю жизнь), чашечку для водки и чашечку для чая. Похороны совершаются без особых обрядов и без участия служителей культа, так как лишь за последнее время, под влиянием японцев, буддизм и шинтоизм начинают проникать на Лиу-Киу. Гроб помещается в приготовленный склеп, рядом с ним ставятся деревянные сандалии, и вход в склеп закрывается камнем. Этим, однако, дело не кончается. Через год или через два, когда процесс разложения завершится, назначается день вторичных похорон. Собираются все родственники, гроб извлекается из склепа и с особыми церемониями кости покойника очищаются от всего, что на них осталось, обмываются тщательно водкой и в совершенно чистом виде, выскобленные, блестящие, укладываются в погребальную урну. Последняя представляет собою большой глиняный сосуд из неглазированной глины, с красивой крышкой, украшенной головами драконов. Такие урны продаются на базаре, и одну из них я купил в Нафе и привез в наш Этнографический музей. Урна с костями устанавливается на приступочку в склепе с соответствующей надписью. Интересно, что муж и жена хоронятся в одной урне, дети же в отдельных маленьких урнах.

— Ну, а в деревне, знаете, там вторичные похороны иногда совершаются проще, — рассказывает мне один из спутников. — Бывает, что они приходится на такое время, когда все заняты в поле, и возиться с покойником некогда. Тогда гроб притаскивают на берег моря и предоставляют заниматься перемыванием костей старикам и детям... И вот случается видеть, как какой-нибудь шалун мальчишка гоняется за другим таким же и норовит хватить его бедреную костью бабушки...

Чем далее мы продвигались на север, тем дорога становилась живописнее. Последняя часть пути пролегла по берегу залива, на другой стороне которого вырисовывалась голубая вершина Кацуо-даке. Деревни стали попадаться реже, но, тем не менее, все склоны холмов покрыты полями, которые кое-где обрамлены темнозелеными насаждениями пальм-саговников. Последние и здесь составляют необходимый элемент ландшафта. Мы обогнули этот обширный залив, и впереди показался маленький городок, Него, ближайшая цель нашей поездки.

Мы остановились в очень скромной гостинице, устроившись втроем в одной комнате, и в ожидании обеда пошли посмотреть город. Он

приветливо располагается на берегу небольшого заливчика и, видимо, составляет главный культурный центр всей северной части острова. Здесь, кроме разных казенных учреждений, почты, телеграфа, банка, имеются и две хорошие средние школы, мужская и женская. Одну из них мы посетили, так как там был директором старый приятель Ямаширо. Обилие школ на острове, вообще, невольно поражает. Японское правительство, видимо, не жалеет средств на образование молодого поколения и, конечно, на воспитание его в духе японского патриотизма. Если старики лиукийцы еще видят в японцах пришельцев и захватчиков и относятся не всегда сочувственно к новшествам, то молодежь воспитывается истинными верноподданными микадо, и не пройдет и десятка лет, как острова будут окончательно завоеваны и присоединены к Японии мирным и, надо сказать, все же вполне культурным путем... Правительственный отчет за 1924 год сообщает, что из 92 349 детей школьного возраста в Окинавском губернаторстве 89 863, т. е. 97 % посещают школу, — цифры, которым можно позавидовать...

После обеда в гостинице мы совершили еще небольшую поездку в автомобиле по дороге, идущей на север по западному берегу. Мы добрались до деревни Тсуха, — дальше ехать было нельзя, так как автомобильная дорога здесь оканчивается. Она находится, однако, в постройке и скоро должна быть доведена до самой северной оконечности острова. На устройство автомобильных дорог японское правительство тоже не жалеет средств, прекрасно оценивая их культурное, политическое и хозяйственное значение. По пути мы наметили план дальнейших экскурсий на ближайшие дни и вернулись в гостиницу еще засветло.

На ночь над нашими постелями служанка раскинула москитники из боязни декабрьских комаров.

На следующее утро, после легкого завтрака (японские завтраки, впрочем, как и обеды и ужины, всегда легки и не обременяют желудка), мы отправились в автомобиле осматривать ближайшие окрестности Него, изобилующие красивыми видами и историческими памятниками. Чтобы ближе познакомиться с природой острова, я решил также подняться на Кацуо-даке, у подножия которого мы теперь находились.

Среди красивых холмов, частью покрытых лесом, частью полями и плантациями сахарного тростника, дорога извивается змеею. По пути встречались небольшие деревушки, где появление нашего автомобиля вызывало, повидимому, уже некоторую сенсацию, так как «дидоши» сюда не доходят, — их рейсы кончаются в Него, и население менее знакомо с этим новым способом передвижения.

Мы остановились ненадолго в крупном селении Ойгава и потолкались там по оживленному базару с лавченками, наполненными всякими дешевыми японскими товарами, а также и овощами, мясом, рисом и другими продуктами. Мое внимание привлекли к себе какие-то черные палки или веревки, свешивающиеся с крыши ларьков.

— Это сушеные морские змеи, — пояснил мне Авайя. — Их ловят у нас в море сетями, убивают, коптят и сушат. Их считают у нас целебными, возвращающими молодость.

Я купил пару змей — конечно для коллекции. Перспектива скинуть с плеч несколько десятков лет была очень соблазнительна, но если для этого надо съесть копченую змею, то подумаешь!

Мы отправились оттуда к деревне Уnten, лежащей на заливе Омачиминато, который был назван экспедицией Пери (первой американской экспедицией, завязавшей с Японией сношения в 1853 г.) «портом Мельвилль», так как он представляет собою небольшую, но довольно удобную для стоянки судов естественную гавань.

С этими местами связаны предания и легенды, позволяющие японцам претендовать на свою давнюю связь с островами Лиу-Киу, которыми они фактически владеют лишь с 1874 года.

В XII веке японский полубоггерой Минамото, из рода князей Таметомото, вел ожесточенную борьбу с враждебным родом Таира, был разбит и бежал со своим войском на кораблях. Страшная буря уничтожила его флотилию, но сам он на своем корабле, с небольшим числом воинов, спасся и ветром был загнан на Окинаву. Здесь он встретил хороший прием и женился на сестре местного князя из рода Анцу. Через некоторое время он задумал вернуться в Японию вместе с женой и с новорожденным сыном по имени Сонтон, но, когда корабль его поравнялся с этими местами, поднялась опять буря, и моряки объявили, что морской бог гневается на то, что на корабле находится женщина, и надо высадить ее на берег, чтобы буря утихла. Минамото принужден был подчиниться их требованию, высадил свою жену с сыном в заливе Омачиминато, но обещал ей, что скоро за нею вернется. Она долго жила здесь в пещере, ожидая возвращения мужа, и, не дождавшись, умерла с горя. Название залива и означает «Гавань Ожидания». Сын ее стал позднее королем Лиу-Киу, приняв имя Шунтен. Он правил с 1187 по 1237 г. и был родоначальником династии лиукийских королей. Минамото, по одной версии, вернулся в Японию, по другой — кончил жизнь самоубийством.

Мы остановились у подножья высокого холма и поднялись по живописной тенистой дорожке на его вершину. Здесь на небольшой площадке, под тенью развесистых лиукийских сосен поставлен памятник Минамото Таметомото в виде довольно бескусного памятного камня, на котором высечена надпись иероглифами, представляющая копию автографа небезызвестного и нам адмирала Того, героя Тсусимы. Этим способом японцы оказывают почет и героям далекого прошлого и современным героям...

От памятника открывается очаровательный вид на «Гавань Ожидания», раскинувшуюся между двумя островками и Окинавой. Склоны покрыты густой зеленью леса, с которой гармонично сочетается лазоревая синь залива и голубая дымка отдаленных гор.

Мы стали спускаться от памятника по узкой тропинке, проложенной среди непроходимых зарослей, и вскоре оказались перед узкой площадкой, на которую открывается отверстие довольно широкой сталактитовой пещеры. Это — так называемая «могила ста Анцу», но кто в ней погребен и к какому она относится времени, неизвестно. Еще в 1910 году немецкий путешественник д-р Симон нашел ее в довольно хорошей сохранности и дал подробное описание. Внутри пещеры он видел деревянный навес на столбах, под которым стояло четыре гроба, наполненных костями. На гробах сохранялись даже еще следы черного и красного лака, и по некоторым надписям можно было думать, что погребение относится к XVI веку.

Мы нашли в пещере лишь груды досок, из-под которых торчали ящики, наполненные костями. Очевидно, навес рухнул и придавил и поломал гробы, стоявшие на подпорках.

Рис. 21. Урна с костями из пещеры у гробницы Самбоку.

Спустившись ниже, мы встретили еще одну пещеру со входом, закрытым каменной плитой. К ней поднималась широкими ступенями лестница из известняковых плит, а впереди стоял памятный камень с надписью, весь обвитый ползучими растениями. Тенистые деревья и темная зелень чащи кустарников, покрывающих склоны, придавали этой усыпальнице вид величавого спокойствия.

— Это гробница королей Самбоку, правивших островами по историческим данным в XIV—XV веке, — объяснили мои спутники.

Когда мы подошли к пещере ближе, то увидели, что рядом с ней имеется другая, открытая. Заглянули в нее и заметили целый ряд погребальных урн, частью круглых, частью четырехугольных, с крышками и без крышек. Осмотревшись по сторонам и убедившись, что никто из местных жителей нас не видит, мы вытащили одну из этих урн из пещеры и сфотографировали ее.

Здесь в окрестностях вообще много могильных пещер, и мы видели на склонах гор местами целые ряды их, но осматривать их, конечно, не стоило, так как все они ничего кроме урн, наполненных костями, не содержат. Мы направились к берегу моря и сделали привал в домике, принадлежащем рыболовной школе, которою заведует Авайя. В окрестных селениях много занимаются рыболовством, и потому школа устроила здесь опорный пункт, куда командируются учащиеся для ознакомления с промыслом. Домик оказался очень скромным, безо всякого специального оборудования. Сторож сварил нам чай и угостил вареными бататами.

Отдохнув и подкрепившись, мы отправились далее к подножью Катсуо-даке и доехали на автомобиле до деревни Итцуми. Там нас встретил местный представитель власти, японский полицейский чиновник, облачившийся в мундир и нацепивший саблю. Он отрекомендовался, обменялся визитными карточками, и, когда мы просили его дать кого-нибудь, кто показал бы дорогу на вершину Катсуо-даке, он любезно вызвался сам нас проводить: конечно, в этой глуши встреча с европейским путешественником слишком исключительное событие, чтобы упустить, а может быть было затронуто и его профессиональное любопытство.

Мы стали подниматься среди холмов, частью покрытых лесом, частью возделанных. Природа была здесь, однако, совершенно иная, чем на Амами-Ошимае, лес был мелкий, большею частью сосновый, не было ни древесных папоротников, ни лиан, ни эпифитов. Кое-где в ложбинах между горами располагались хижины, окруженные апельсиновыми деревьями, бананами и пальмами.

Скоро подъем стал круче. Каменистая тропинка вела вверх среди скал, сложенных из глинистого сланца, и с нее открылся превосходный вид на залив Него и на «Гавань Ожидания», окруженную островками. По скалистым скатам здесь ютились крайние сосны, — их граница, по показаниям моего anerоида, находилась около 430 м над уровнем моря, гораздо выше, чем на Амами-Ошимае, где сосна не поднимается выше 250 м.

Подъем на вершину был нетруден, и до нее оставалось недалеко, но времени не хватило: мы условились с нашим шофером, что будем в 3 часа дня внизу в Итцуми, иначе намеченный маршрут не удалось бы выполнить. Пришлось отказаться от подъема на самую вершину горы, удовольствовавшись подъемом, примерно, до 500 м, самая высшая точка, вероятно, метров на сто выше.

На обратном пути мы увлеклись ловлей пестрых желтобрюхих трионов, водящихся в ручьях и лужах; в этом занятии принял деятельное участие и наш любезный проводник, так что часть привезенных мною коллекций собрана трудами представителей административной власти. Он деятельно помогал нам также и в ловле бабочек и кузнечиков, и расстались мы с ним большими друзьями.

В Итцуми мы спустились во-время, автомобиль нас ждал уже, и мы отправились далее в небольшой городок Тогучи, расположенный на конце выдающегося на запад полуострова, образуемого отрогами Катсуодаке. Этот городок интересовал меня, как один из центров рыбных промыслов на Окинаве, — здесь ловят макрелей, тунцов и акул. К сожалению, мы не застали в городе председателя рыболовного общества, который мог бы дать нам все сведения о промысле, и принуждены были ограничиться осмотром самого городка и разговорами с отдельными рыбаками. Мы задержались в Тогучи все же до захода солнца и возвратились в Него уже в темноте.

Город был разукрашен флагами и пестрыми фонарями. Мы вспомнили, что ведь завтра Новый год, — для меня это как-то плохо вязалось с окружающей обстановкой, этим теплом, зеленью, пальмами и бананами...

Мы решили отпраздновать наступление Нового года и заказали хозяйке шикарный лиукийский ужин, в котором главной составной частью была свинина в разных видах, какие-то водоросли, раки, сваренные в сахаре, и еще разные блюда, которых ни я не мог определить ни мне не могли объяснить мои спутники.

За ужином возник разговор о поздравлении с Новым годом губернатора. Я находил, что его надо поздравить телеграммой, чтобы хоть как-нибудь отблагодарить за любезность. Я составил соответствующий текст телеграммы и показал своим спутникам. Они замахали на меня руками.

— Что вы, что вы! Разве можно так поздравлять теперь? Вы поставите губернатора в очень затруднительное положение! Ведь по случаю кончины императора у нас полный траур, и никаких поздравлений и празднований быть не может...

— Но губернатор был со мной так любезен, предоставил свой автомобиль, надо же все-таки как-нибудь его поздравить, — протестовал я.

— Подождите, мы напишем!

И они оба вооружились кисточками, натерли туши и уселись перед разграфленной бумагой. Плодом их размышлений и коллективного творчества была следующая удивительная телеграмма:

«Нафа. Губернатору. По случаю траура никаких поздравлений»... и подпись.

— Но, позвольте, зачем же я буду телеграфировать губернатору, что я его не поздравляю?

— Нет, нет, так по-нашему лучше! Вот вы увидите...

Отправили. И действительно на следующее утро мне принесли ответную телеграмму губернатора:

«Чрезвычайно признателен за ваше в высшей степени любезное приветствие»...

День Нового года был теплый, солнечный. Мы с утра отправились на автомобиле по известной уже нам дороге в Тсуха. Там мы вылезли и отправили автомобиль обратно, с тем, чтобы он приехал за нами к 2 ч. дня. Я решил предпринять экскурсию через главный хребет острова, перевалив на другую сторону хребта, чтобы познакомиться с его природой.

По дороге мы встретили крестьянина, который охотно взялся служить нам проводником, — иначе мы рисковали заблудиться в бесчисленных тропинках.

Подъем был невысок и легок. Здесь хребет понижается, стесненный с обеих сторон врезающимися в него долинами, и самая высокая точка, которой мы достигли, была всего 310 м над уровнем моря. Густой лес, частью из вечно-зеленых деревьев и кустарников, покрывает склоны. Несколько выше мы встретили сплошные заросли бамбука. Опять меня

поразило полное несходство с природою леса на Амами-Ошима: здесь не было ни одного древовидного папоротника, ни одной пальмы. Лианы, хотя и попадались, но их было мало и преимущественно тонкие, тогда как на северном острове встречаются настоящие вьющиеся деревья.

Разница эта, конечно, обуславливается неодинаковым количеством влаги. Амами-Ошима обладает несравненно большим количеством осадков, и, кроме того, я находился там в глубоком ущельи, орошаемом бесчисленными ручьями. Здесь мы шли по сравнительно сухому склону и вышли на совершенно безводный гребень хребта. В ущельях, по рассказам, и здесь имеются пальмы, папоротники, лианы и эпифиты.

Через какой-нибудь час пути мы были уже на противоположном, восточном склоне хребта, и перед нами развернулась очаровательная картина залива Аруми с выдающимися мысами и горными отрогами, покрытыми лесом. Восточный берег менее населен, чем западный, и леса сохранили здесь еще более первобытный характер. К сожалению, время не позволяло нам спуститься к самому берегу моря. Чтобы поспеть к назначенному сроку, надо было возвращаться обратно.

Когда мы вернулись к бухте Тсуха, автомобиля еще не было. День был жаркий, и после похода по горам так хотелось освежиться. Прозрачная вода бухты манила к себе, и я решил выкупаться. Предлагаю принять в этом участие своим спутникам, но они даже с некоторым ужасом отвергают такое предложение.

— Как, купаться, теперь зимой? Да ведь холодно...

Впрочем, из дальнейшего разговора выясняется, что они вообще признают купанье только в «о-фуру», а моря боятся и... не умеют плавать! Мое весьма посредственное искусство плавания показалось им каким-то цирковым номером, и они долго не могли успокоиться и все расспрашивали меня, как же это так можно плыть на спине, не двигая руками.

Вода была совершенно теплая, как у нас летом, дно — чистейший песок, и на легкой океанической зыби так приятно было покачиваться, что я долго не мог решиться вылезть из воды, и только гудок автомобиля заставил меня прекратить это приятное занятие.

Так я отпраздновал наступление Нового 1927 года на 26° 40' с. ш.

Мы вернулись в Него, пообедали в гостинице и, распростившись с хозяевами, отправились после обеда в обратный путь, так как автомобиль должен был вернуться в Нафу. Вечером, когда уже стемнело, мы добрались до города.

VII.

На коралловых рифах.

Итоман. — Поездка по заливу. — Фауна коралловых рифов. — Рыбная ловля. — Прыгающие рыбы. — Отъезд.

Познакомившись с природой самого острова Окинавы во время поездки на север в округ Кунчан и собрав кое-какие коллекции сухопутных животных и растений, я горел желанием поскорее добраться до моря и, главное, до коралловых рифов, которые мне уже удалось мельком видеть на Амами-Ошимае. Для зоолога фауна коралловых рифов, богатая и разнообразная, всегда особенно привлекательна, а здесь, на островах Лиу-Киу, она, кроме того, и почти не изучена.

— Где бы лучше всего познакомиться с коралловыми рифами? — обратился я за советом к своим постоянным спутникам, Ямаширо и Авайя.

— Конечно, в Итомане! — отвечают они в один голос. — Это местечко, маленький рыбацкий городок вблизи Нафы. Туда можно легко доехать по железной дороге, там есть где остановиться, а коралловых рифов сколько угодно. К тому же там все жители рыбаки, и потому легко достать лодку...

Решено было отправиться на несколько дней в Итоман. На следующее же утро по приезде я собрал свои ящики с банками, спиртом, формалином и прочими принадлежностями зоологического ремесла. На ручной тележке доставили все на станцию железной дороги, куда и мы приехали на рикшах. У платформы стоял уже крохотный поезд из трех игрушечных вагончиков с каким-то старомодным самоваром на колесах вместо паровоза, — как видно, сюда, в отдаленную колонию, сбыли завалявшуюся в Японии рухлядь.

Со скрипом и скрежетом тронулся в путь наш вагончик. Кроме нас в нем были лишь три старые женщины с татуированными кистями рук, — повидимому, торговли рыбою, возвращавшиеся с базара, — ведь Итоман главный поставщик рыбы для Нафы. Нас трясло и бросало из стороны в сторону, и тянулись мы 17 км до Итомана более часа, по минутно останавливаясь на мелких станциях у каждой деревни. Но в конце концов мы все же доехали.

Рис. 22. Старый лиукиец из Итоман с прической в виде шишки, заткнутой большой булавкой.

Итоман — небольшой городок на берегу очаровательного голубого залива, замкнутого барьером коралловых рифов, на котором постоянно виднеется белая пена бурунов. Вдали синют очертания островов Керама. По заливу скользят рыбацьи лодки с белыми парусами, как стая белокрылых чаек. Город живописно разбросан на невысоких холмах, которые тоже — не что иное, как древние коралловые рифы, поднятые подземными силами.

Мы расположились в маленькой, но уютной гостинице и занялись организацией экскурсий по заливу. В этом деле нам помог один из местных жителей, знакомый Авайя, некий Томаширо, бывший мэр города, а теперь ничем не занятый рантье, обрадовавшийся, что нашел себе дело. Он отыскал нам рыбаков, подрядил лодки, позаботился обо всем необходимом, и на следующее утро мы могли уже выехать в море.

Местные лодки совсем не похожи на японские. Это длинные и узкие долбежки, вроде пирога полинезийцев. Сидеть в них приходится на дне, на цыновках. Для большей устойчивости, а также, чтобы забрать всю нашу компанию, рыбаки связали вместе две такие пироги, и на этом импровизированном судне, с водруженным на нем парусом, мы и пустились по заливу.

Погода была великолепная, солнечная. Залив, подернутый лишь легкой рябью от ветерка, дувшего с берега, производил чарующее впечатление. Как только мы отошли несколько от берега, на дне моря обнаружилось уже коралловые заросли, но разглядеть их было трудно из-за ряби.

— Как бы рассмотреть дно получше? — обращаюсь я к спутникам.

— Сейчас дадим вам «гарасхако»!

Это оказалось ведро со стеклянным дном. Если погрузить его до половины в воду и смотреть в него сверху, заграждая головой боковые лучи дневного света, — сквозь стекло прекрасно видно все, что находится на дне, — ведь сама по себе морская вода прозрачна здесь, как хрусталь.

Заглянув в «гарасхако», я уже не мог более от него оторваться. Удивительнейшие картины подводной жизни разворачивались перед глазами, по мере того как мы медленно передвигались по заливу. Густые кусты кораллов, настоящие подводные джунгли, производили впечатление какого-то заколдованного леса с белыми, желтыми, оранжевыми или зелеными ветвями, но без листьев. Местами эти заросли сплошь принимали фиолетовый оттенок, и тогда были особенно красивы.

Этот подводный лес не был, однако, мертвым. Он оживлялся порхающими среди ветвей стаями коралловых рыбок, поражавших своим пестрым нарядом. Среди них попадались то яркосиние, как горящие на солнце сапфиры, то кровавокрасные, желтые или оранжевые, или покрытые причудливыми полосами и пестрыми узорами. Большая часть этих рыбок имеет высокое и сильно сжатое с боков тело, приспособленное для того, чтобы с удобством проскальзывать среди тесно стоящих ветвей коралловых кустов и прятаться в расщелинах.

Вглядываясь внимательнее, видишь и других обитателей моря. То там, то здесь виднеются красивые, пестрые морские звезды, оранжевые или голубые. Медленно передвигаются длинноиглые морские ежи-цидариды. Их иглы тонки и ломки, и рыбаки их очень боятся, так как иглы эти вместе с тем ядовиты и причиняют чрезвычайно болезненные и опасные раны. У других морских ежей, наоборот, иглы толсты, как палки, и иногда несут еще утолщения, так что каждая игла представляет собою нечто вроде японской пагоды.

Местами на песчаном дне ползают голотурии — трепанги, — червеобразные животные, относящиеся также к иглокожим. Интересно, что некоторые из здешних видов выделяют длинные, тонкие и в высшей

степени липкие нити, которыми они оплетают свою добычу, как пауки паутиной. Одну из таких крупных голотурий мои рыбаки поймали просто бамбуковой палкой: как только бамбук прикоснулся к голотурии, она прилипла к нему так прочно, что ее можно было осторожно вытащить на поверхность.

Местами коралловые заросли превращаются в настоящий сад, — среди кораллов распускаются, как огромные яркие хризантемы, пестрые актинии с махровым венцом щупалец вокруг ротового отверстия.

Не мало прелести придают этим подводным садам и пестрые раковины моллюсков фантастических форм и крупных размеров. Оживляют подводный пейзаж также мохнатые крабы, шмыгающие в поисках добычи.

Разнообразие форм, яркость красок и фантастичность голубоватого освещения подводных ландшафтов невольно очаровывают всякого. Восхищен был и мой Ямаширо-сан.

— Представьте себе, живу здесь с детства, а кораллы видел только сухие в музее. Никогда не рассматривал их вблизи под водою!.. А на самом деле, это замечательно красиво!..

— Но как же все-таки будем мы доставать кораллы?

— А очень просто...

Он сказал несколько слов рыбаку, тот скинул свое кимоно и надел автомобильные очки с закрайками, плотно прилежавшими к глазам.

— Что вам достать?

Я указал крупную морскую звезду. Тот моментально нырнул, и в «гарасхако» было видно, как он, в виде какого-то голубого привидения, шарит по дну. Через минуту он показался, фыркая и отдуваясь, на поверхности со звездой в руках.

Мои зоологические аппетиты разгорелись. Я указывал и то и другое, и оба рыбака наперерыв приносили желаемое, так что наша лодка постепенно наполнялась кустами кораллов, а банки и жестянки поглощали морские чудеса, приносимые на поверхность водолазами.

Каждый вытащенный коралловый куст или крупная ветвь кораллов представляют собою настоящий микрокосм. Среди веточек и расщелин мы находили червей и раков, голых и покрытых раковинами моллюсков, морских звезд-офиур с тонкими и гибкими лучами, актиний и асцидий...

Жадность натуралиста, добравшегося до невиданных ранее сокровищ тропического моря, обуяла меня, и часа три продолжалась эта охота за морскими обитателями на подводных зарослях кораллов... Было трудно оторваться от созерцания развертывавшихся перед глазами картин подводного царства, и еще труднее было удержаться от желания забрать все эти сокровища в свои банки и жестянки... Наконец, оба мои водолаза, фыркавшие, как тюлени, выбились из сил и заявили, что им холодно...

Мы прекратили охоту и направились к островкам, едва выдававшимся над поверхностью моря. Это были подводные коралловые рифы, обнажившиеся из-за начавшегося отлива.

По дороге нам пришлось наблюдать еще одно интересное зрелище. Две большие рыбацкие лодки были заняты своеобразным ловом рыбы. В море был растянут огромный невод. Лодки держали его концы крыльев, а десятка полтора голых мальчишек и парней барахтались в воде,

Рис. 23. Девушка из Итомана.

ныряли, плыли под водой, хлопали по поверхности воды руками и кричали на все голоса, — это они гнали рыбу в мешок невода, постепенно подходя к нему все ближе и ближе. Стаи пестрых рыб, напуганные шумом и мельканием тел в воде, мчались прямо в мотню невода... Когда вся ватага приблизилась ко входу в мотню, мешок вытащили в лодку и вытряхнули из него целую гору блестящих на солнце всеми цветами радуги и искрящихся в лучах красными, зелеными и синими огоньками тропических чешуеперых, барбулей, губанов, морских щук и морских петухов — обильные и красивые дары теплого моря...

— Почему у вас так странно ловят? Почему не вытаскивают невод на берег? — спрашиваю рыбаков.

— Иначе нельзя! Острые кораллы сейчас же разорвут сеть в клочья, — был ответ.

Мы подошли, наконец, к коралловому рифу, вылезли на него, разулсь, вооружились сачками, молотками и ломом и отправились на охоту за всякими мелкими животными, прячущимися в щелях и расщелинах кораллового полипняка. Обшаривали также и лужи морской воды, оставшейся после отлива.

Первое впечатление было, что на рифе ничего нет. Лишь кое-где попадались в лужах морские ежи и актинии, да изредка удавалось найти

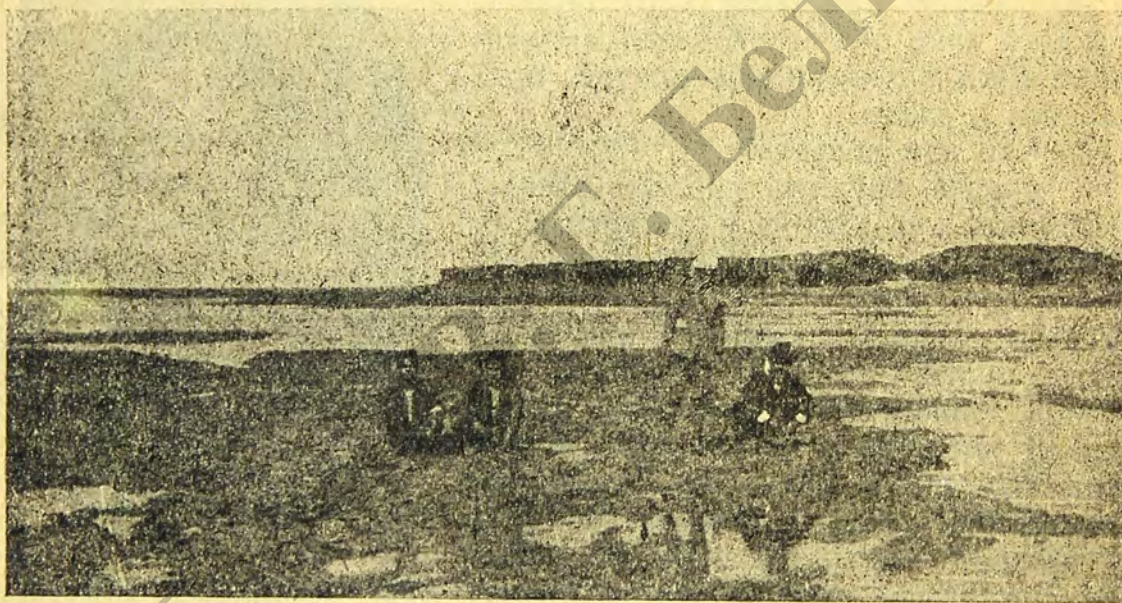

Рис. 24. На коралловом рифе при отливе.

офиуру. Только когда мы принялись молотком и ломом разбивать коралловый полипняк и вытаскивать животных из щелей в нем, мы убедились, что он густо населен. Самые разнообразные обитатели моря, спрятавшиеся из-за наступления отлива, становились нашей добычей — но работа наша была работа скорее каменщиков, чем зоологов! Работа утомительная и нудная, особенно под палящими лучами солнца. Зато она вознаграждалась сторицею: коллекции мои обогатились множеством представителей всех групп животного царства, притом все новыми, невиданными мною ранее формами...

Скоро мы заметили на рифе еще интересных обитателей, — это были прыгающие, как блохи, бычки периофтальмы, рыбы довольно обыкновенные в тропических морях, но живыми найденные мною здесь впервые. Они держатся в лужах, но могут свободно передвигаться и по сухому месту. Сильным ударом хвоста рыбка дает такой толчок, что вылетает из лужи и переносится на один-два метра, норовя попасть опять в воду. Если это ей не удастся, то и на суше она садится, опираясь

на грудные плавники, как лягушка на передние лапы, и дает снова толчок. При этом своими выпученными глазками она прекрасно видит все окружающее и под водой и на воздухе, и учитывает каждое движение преследователя. Первые мои попытки поймать периофтальмов были безуспешны. Я безнадежно гонялся то за одним, то за другим, но схватить рукою или пинцетом ловкую рыбку оказывалось невозможно. Она искусно вывертывалась и исчезала. Наконец, удалось выработать метод: оказалось, что при своей пучеглазости рыбка видит хорошо только вперед, но сзади к ней можно приблизить пинцет совершенно для нее незаметно, и таким способом удается при некоторой сноровке схватить ее...

Мы так увлеклись охотой на морских обитателей, что и не заметили, как вода стала прибывать, и пришлось экстренно ретироваться с рифа, постепенно заливаемого волнами.

С поездки мы вернулись нагруженные кустами кораллов, звездами и ежами, с банками и жестянками, полными всякой живности. Весь вечер ушел на консервирование всех этих богатств и регистрацию их.

Два следующие дня под ряд я повторял такие экскурсии по заливу, открывая все новые и новые научные сокровища. Мои ящики и банки наполнились до отказа. По вечерам я посещал небольшой, но чрезвычайно оживленный рыбный рынок Итомана, где глаза разбегались от богатства и разнообразия выловленной в заливе рыбы. Этот рынок значительно пополнил мои ихтиологические сборы, и, как оказалось впоследствии, здесь удалось найти много не только интересных, но и новых для науки, неизвестных ранее видов рыб.

Время, однако, шло, и приходилось думать об отъезде и о возвращении домой. Приходилось покидать эти благословенные острова, где в январе так тепло и приветливо греет солнце, где качаются лапчатые и перистые верхушки пальм, зреют бананы и наливаются сладким соком сахарный тростник... Жаль было расставаться также и с радушными и симпатичными обитателями, которые оказали мне такое широкое гостеприимство и так помогли мне в короткий срок познакомиться с природой островов и увидеть и собрать столько редкостей.

Несколько дней ушло на упаковку всего собранного, — ведь предстояло везти все это, примерно, 12 000 километров с десятью перегрузками; притом среди сборов было много вещей хрупких, требовавших самой тщательной упаковки. Когда все было готово, оказалось, что мне предстоит путешествовать с маленьким багажом из 20 ящиков, а в Сеуле меня ждали еще 13 ящиков из Японии, — в общей сложности мой груз составил около полторы тонны...

На этот раз я отправился из Нафы прямо в Кобе на более крупном и удобном пароходе той же компании «Осака-Шосен-Кайша». Когда мы готовились к отплытию, на пристани собралась огромная толпа провожающих, в том числе и мои новые друзья, усердно махавшие платками. Как всегда в Японии, был применен особый способ прощания: когда сняли сходни, провожающие на пристани стали бросать на пароход клубочки бумажных лент серпантина отъезжающим, и пока отчаливал пароход, образовалась на несколько минут последняя дружественная связь. Дергая бумажную ленту, можно чувствовать как бы прощальное рукопожатие, переданное по телеграфу...

Но вот, пароход прибавил ходу, и одна за другой разрывались эти последние узы и падали в море... На пристани мы долго видели еще белую движущуюся полоску платков...

Через неделю пальмы, бананы и пестрые рыбки теплого моря мне казались бесследно промелькнувшим сновидением... Я выходил из вагона в Харбине при 35° мороза...

СОУНЬ им. В. Г. Белинского

издательство „П. П. СОЙКИН“ основано в 1885 г.

Телеграфный адрес ЛЕНИНГРАД—ИЗДАТСОЙКИН. Почтовый: Стремянная, 8.

Мелкие суммы можно высылать почтовыми марками в заказном письме.

За наложенный платеж взимается 10 коп.

Перечень книг, вышедших в 1927 году, под общим заглавием „ПРИРОДА и ЛЮДИ“

Цена всей серии 6 руб. с перес. Отдельно каждая книга 75 коп. с перес.

Жертвы дракона. В. Тан-Богораз. Повесть из жизни первобытных людей.

По следам первобытного человека. Р. Эндрьюс. Описание экспедиции в Центральную Азию.

Через тысячу лет. В. Д. Никольский. Научно-фантастический роман.

От полюса до полюса. Свен-Гедин. Описание путешествий в разные части света.

Беседы охотника за растениями. К. К. Серебряков.

Под маской араба. Э. Клиппель. Путешествие по Аравии.

Дни в джунглях. Вильям Виб. Из дневника натуралиста.

Через три океана. А. Инверсен. Путешествие трех датчан на моторной лодке из Шанхая в Копенгаген.

В девственных лесах Амазонки. Эллиот Лэндж.

В стране канибалов (Новая Гвинея). Мерлин Моор Тэйлор.

Из Камчатки в Америку. И. Стеллер. Первое русское путешествие на Американский материк.

Соседи Северного полюса. Э. Микельсен. Новая колония в Гренландии.

В течение 1928 года вышли новые книги:

Цена всей серии 6 руб. с перес. Отдельно каждая книга 75 коп. с перес.

В сердце Азии. П. К. Козлов. Монголо-Тибетская Экспедиция (1923—26 гг.).

Среди тюленей и белых медведей. Фриттиоф Хансен. Иллюстрированное самим автором.

Под парусами через океаны. Д. А. Лухманов. Первое советское заокеанское плавание на парусном судне „Товарищ“.

В стране вечной весны. М. Д. Коморский и Артур Бергер. Природа и люди Гавайских островов.

На берегах Тихого океана. Проф. П. Ю. Шмидт.

Космические корабли. Проф. Н. А. Рынин. Цена 1 р. 50 к.

На краю света (экспедиция на Галапагосские острова 1923—1924 гг.). Вильям Виб.

У карликов малайцев (путешествие 1924—1925 гг.). П. Шебеста.

Завоевание ледяных пустынь (экспедиция Нобиле на Северный полюс. 1928 г.). В. Е. Львов.

Великий русский путешественник Н. М. Пржевальский. П. К. Козлов.

По Судану (из путевых впечатлений). А. Радклифф-Дугмор.

Цена 50 коп.

30986

ИЗДАТЕЛЬСТВО „П. П. СОЙКИН“ ОСНОВ

Телеграфный адрес ЛЕНИНГРАД—ИЗДАТСОЙКИН. Почтовый: Стремянная, 8.

Мелкие суммы можно высылать почтовыми марками в заказном письме.

За наложенный платеж взимается 10 коп.

НАРОДЫ МИРА

ПОПУЛЯРНОЕ НАРОДОВЕДЕНИЕ

под общей редакцией известного
географа Я. И. РУДНЕВА.

Напитальное и богато иллюстрированное
художественное издание.

Свыше 400 фотографий, рисунков, карт
и таблиц.

Для пытливого ума человека, ничто не представляет столь глубоко захватывающего интереса, как сама человеческая природа в ее многообразных проявлениях. Недаром так неистребимо в нашей душе стремление путешествовать, чтобы знакомиться с жизнью, нравами и бытом других народов.

«НАРОДЫ МИРА» — это панорама человеческой жизни: типы, нравы и обычаи всех стран и народов земного шара.

Объем издания 688 страниц большого книжного формата с 495 рис. и табл. Изд. 1928 г. В художественном переплете из дерматина, тисненном бронзой.

Цена 5 руб. с пересылкой.

Высылается наложенным платежом по получении задатка в размере 2 руб.

Изд-во „П. П. СОЙКИН“

ЛЕНИНГРАД, 25

Стремянная, 8.

